

A close-up photograph of a silver plate with an ornate, embossed border. Two gold rings are placed on the plate; one is a plain band, and the other is a diamond engagement ring. To the right of the rings is a large, dark red bloodstain with several smaller droplets scattered around it. The background is a light-colored, textured surface.

Ирина Градова

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ *диагноз*

КАБИНЕТНЫЙ
ДЕТЕКТИВ

Врачебные секреты

Ирина Градова

Окончательный диагноз

«ЭКСМО»

2010

Градова И.

Окончательный диагноз / И. Градова — «Эксмо»,
2010 — (Врачебные секреты)

ISBN 978-5-699-39925-3

В больнице ЧП – пациентка умерла после удачной, казалось бы, операции по замене сустава. Анестезиолог Агния Смольская чувствовала за собой вину – ведь это именно она убедила женщину согласиться на операцию! И решила разобраться, что же произошло. Агния узнала: перед операцией не были сделаны необходимые анализы, и хирург Роберт Караев, с которым ее связывают весьма близкие отношения, собирается вписать их в историю болезни задним числом. Дальше – больше: выяснилось, что Роберт поставил пациентке совсем не дорогой качественный протез, а неопробованное изделие новой марки. Перед Агнией встал нелегкий выбор: предать любовника или нарушить свой врачебный долг?.. Книга также издавалась под названием "Хроники ревнивого сердца"

ISBN 978-5-699-39925-3

© Градова И., 2010
© Эксмо, 2010

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ирина Градова

Окончательный диагноз

* * *

Снегу навалило по колено – я даже не ожидала, что такое может произойти всего за одну ночь! Зима на дворе, середина декабря, но все уже давно устали ждать снегопада. Дошло до того, что президенту на пресс-конференции задали вопрос: «Когда, наконец, выпадет снег?» И вот, как будто и это тоже зависело от политики правительства – как по заказу! Гуляя утром с Кусей и загребая снег штанами, я, наверное, радовалась не меньше нее. Собака носилась как оголтелая, ныряя в сугробы с головой и выпрыгивая на поверхность в белой «маске», яростно отфыркиваясь и встряхиваясь, словно после купания. Со стороны, вероятно, зрелище довольно устрашающее. Дело в том, что Кусю на самом деле зовут Кассандра дель Рио и принадлежит она к породе черных терьеров. Размеры? Представьте себе молодого медведя, мохнатого, с тяжелыми лапами и огромной головой! Зато ни я, ни мой семнадцатилетний сын Данька, который с недавних пор предпочитает, чтобы все величали его не иначе как Дэном, не испытываем ни тени страха, прогуливаясь по темному парку рядом с домом: вряд ли найдется грабитель или хулиган настолько смелый, чтобы рискнуть подойти к нам в присутствии Куси. Да ведь он и предположить не может, что добрее этой собаки не сыскать, а проверять на собственном опыте вряд ли захочет...

Погода немного подняла мне настроение, которое в последнее время так себе. С тех пор как умер заведующий отделением ортопедии и травматологии в больнице, где я работаю, врачей трясло, как в лихорадке. Не то чтобы дела шли плохо, но состояние постоянной неуверенности в завтрашнем дне начинало утомлять. Дело в том, что, с одной стороны, Роберт Караев, исполняющий обязанности заведующим и по совместительству являющийся моим любовником вот уже больше двух лет, совершенно уверен, что его «и.о.» непременно перерастет в утверждение на место покойного Сергея Гурьевича Ивахина. Что ж, Роберт хороший хирург, даже, можно сказать, отличный, только, похоже, главный врач больницы имеет на этот счет свое мнение. Вполне вероятно, что у него есть свой ставленник на вакантную должность, и Роберт, понимая это, нервничает. Его нервозность передается всем нам – тем, кто с ним работает (и кто с ним спит, между прочим!). А таких как минимум двое – я и его жена Валя. Хотя в последнее время мне стало казаться, что нашего полку прибыло: операционная сестра Людочка Портнова, довольно хорошенькая, все чаще ведет себя со мной нагло, а еще я несколько раз видела, как она выходила из временно занимаемого Робертом кабинета заведующего отделением с победоносной улыбкой на лице. Мы с Людой друг друга не выносим – и не я инициатор таких отношений. Она пришла на отделение примерно четыре года назад, и с самого начала наше общение не заладилось...

Слава богу, я приписана к отделению анестезиологии и реанимации, а потому проблемы, связанные с назначением нового зава травматологии, касаются меня лишь постольку-поскольку. Тем не менее я довольно часто работаю с ортопедами и в какой-то степени ощущаю собственную причастность ко всем событиям в отделении. И не могу не думать о том, какой нелепой и трагической была смерть Сергея Гурьевича. Это надо же – инфаркт хватил его прямо на рабочем месте, в собственном кабинете. Кажется, при этом присутствовал Роберт – во всяком случае, именно он поднял тревогу и пытался оказать первую помощь, однако Ивахин скончался, не дождавшись реаниматологов. На самом деле этого следовало ожидать, ведь у него уже был один тяжелый инфаркт, после которого зав оправлялся больше года.

Ивахина в отделении любили. Не то чтобы при нем все процветали – скорее даже наоборот, но Сергей Гурьевич умел жить в ладу с коллективом. Люди сквозь пальцы глядели на то, что старый зав здорово запустил положение дел – во-первых, из уважения к его докторской степени и прочим регалиям, коих было множество, а во-вторых, по причине его уживчивого характера и нежного отношения к подчиненным.

В сущности, что нужно работнику от начальства? Высокая зарплата? У большинства врачей она строго фиксирована, так что не забалуешь. Комфортные условия? Практика показывает, что русский человек приспосабливается к любым условиям, как плесень и тараканы. Главное – чтобы не мешали работать. Сергей Гурьевич Ивахин полностью соответствовал этому требованию: он не путался под ногами, и дела шли как будто сами собой, ни шатко ни валко.

А теперь, после его смерти, народ затаил дыхание и ждал, кто же придет на его место. От этого зависело, изменится ли что-нибудь в жизни персонала или все останется, как было. На самом деле почти все, я думаю, боялся прихода «новой метлы» и предпочли бы руководство Роберта. Не скажу, что он, под стать Сергею Гурьевичу, человек мягкий и приятный, но, во всяком случае, за то время, что он исполнял обязанности зава, все шло, как обычно. Возможно, Роберт более жесток в обращении с людьми, но он, по крайней мере, был «своей метлой».

Так вот, шла я себе, наслаждаясь падающими белыми хлопьями, задрав голову кверху и совершенно забыв о том, что беспечность и утрата бдительности чреваты последствиями – и, как правило, малоприятными. Нога моя заскользила по льду, сверху конспиративно прикрывшему воздушным слоем снега, и я, как стог сена, укутанная в теплую шубу и ограниченная в свободе движений, необходимой для маневра, повалилась на дорожку. В голове у меня промелькнула всего одна мысль: шла на операцию, а теперь, того и гляди, сама окажусь на больничной койке с переломом чего-нибудь – благо отделение ортопедии и травматологии в любом случае являлось местом моего назначения на сегодня!

Особой боли при падении я, как ни странно, не ощутила. А затем две сильные руки подхватили меня под мышки и поставили на ноги.

– Не ушиблись?

Я подняла глаза. Зубы. Два ряда почти безупречно ровных, белых зубов – вот что было первым из увиденного мной. Вернее, первым, что я *заметила*.

– Н-нет, кажется.

– Уверены?

Остальное, между прочим, тоже ничего себе: здоровая кожа, крупный прямой нос, большой рот, русые, немного взлохмаченные волосы и серо-зеленые в крапинку глаза.

– Кажется, да, – ответила я.

– Когда уверены, ничего *казаться* не должно, – трезво заметил незнакомец. – Ничего не вывихнули, не сломали? На ногу встать можете?

Я осторожно опустила ногу на снег и перенесла на нее вес. Ощущения опасений не вызвали. Видимо, мужчина тоже это понял.

– Ну, идите осторожнее, – посоветовал он напоследок. – А вообще-то непорядок тут: надо дорожки хотя бы песком посыпать, что ли...

Глядя ему в спину, я подумала, что мне уже чертовски давно никто не нравился вот так – с первого взгляда, будто в ранней юности. Хотя, пожалуй, в том возрасте нравятся все подряд – прерогатива молодости. С годами я стала невероятно разборчивой. Вот и мама постоянно говорит: «Выбираешь все, выбираешь, нос воротишь, а годы-то, между прочим, уходят! Этот – нехорош, тот – тоже не слава богу, какого же рожна тебе, дочь, подавай? Довыбиралась со своим Славкой, да? Вот уж чудо в перьях, счастье невероятное! И далеко ты с ним ушла? Вместе жили – покоя не знала, а теперь вообще отвалил в неизвестном направлении – ищи его свищи!»

Эх, мамуля, ты ведь и половины не знаешь... А мужик тот ничего, классный. И одет так, как мне нравится, – не в куртку и кепку, а в длинное коричневое пальто... Однако надо пошевеливаться, а то недолго и на работу опоздать. Перед операцией мне требуется по крайней мере час, чтобы прийти в себя после поездки на общественном транспорте, переодеться, выпить кофе и настроиться. По натуре я человек медлительный, решения принимаю подолгу, все люблю делать тщательно. Это всегда раздражало моего бывшего. Ну и бог с ним.

На проходной меня, как всегда, поприветствовал охранник Степаныч. Когда называешь кого-то Степанычем, кажется, что речь идет о человеке старом или по меньшей мере пожилom. Нашему Степанычу едва стукнуло сорок пять, и выглядит он, как бравый поручик Ржевский из анекдотов. И не только выглядит – ведет себя совершенно в соответствии с этим образом. Сколько раз Степаныч ко мне подкатывался – сказать не могу, со счета сбилась, но он попыток не оставляет. Наши отношения можно называть постоянным флиртом – он никогда не отпускает меня, не одарив комплиментом и не попросив в очередной раз о свидании. К его чести надо сказать, что все особы женского пола без исключения устаиваются его пристальным вниманием, если, конечно, они еще не вышли на пенсию.

– Агния, красавица наша пришла! – радостно протрубил он, разводя руками, словно и не ожидал увидеть меня.

– Да брось ты, Степаныч, – отмахнулась я, хотя в глубине души мне всегда приятны его слова. – Вот, шлепнулась на ровном месте, шапка съехала, шуба перекосилась, а ты все туда же!

– Упали? – озабоченно переспросил он. – Сильно ударились?

– Да нет, не сильно, – успокоила я. – Но красота помялась.

– Есть красота, которая никогда не увянет, – высокопарно заявил охранник. – Когда в ресторан ходим, Агния Кирилловна?

– Когда женустроишь за хорошего человека – тогда и поговорим.

– Так это ж когда будет!

– Значит, подождем, Степаныч, – усмехнулась я и двинулась по коридору к лифту.

Почему-то именно сегодня мне вспомнился первый раз, когда я вошла сюда через служебный вход. Было это тринадцать лет назад, и нас, шесть человек молодых ординаторов, направили именно в эту больницу. Я тогда и думать не могла, что задержусь здесь на такой долгий срок! Эти коридоры пугали меня, потому что казались бесконечными, темными тоннелями, из которых нет выхода. Первые две недели я постоянно терялась. Блуждая по коридорам, отчаянно вчитывалась в надписи на дверях и над головой, пытаюсь понять, где нахожусь. Мне стыдно было спрашивать дорогу у пробежавших мимо врачей, ведь на мне тоже красовался белый халат, а выглядеть зеленым новичком так не хотелось! Пациенты уже обращались ко мне «доктор» или по имени-отчеству, но я сама чувствовала себя так неуверенно, что порой хотелось сесть прямо посреди этого бесконечного коридора и разреваться, как в детстве.

Теперь мне знаком здесь каждый угол. Я могла бы с завязанными глазами пробежаться по всем этажам и безошибочно определить свое местоположение. Особенно хорошо я знаю подвальные помещения, где располагаются операционные, отделение анестезиологии и реанимации на первом этаже и ортопедии и травматологии – на четвертом. Туда-то я и поднялась на служебном лифте, прихватив по пути старушку с палкой, явно заплутавшую в коридорах и не нашедшую общественный лифт. Судя по палке – наш пациент.

– Вы в ортопедию? – поинтересовалась я.

– Да, – подтвердила она. – Мне уже раз пять объяснили, как дойти до лифта, но я нашла только этот, а он, оказывается, служебный...

– Поехали! – скомандовала я, пропуская бабульку вперед и нажимая на кнопку с цифрой «4».

Выйдя на своем этаже, я с удивлением отметила, что вокруг стоит полная тишина, этому отделению не свойственная. Обычно здесь всегда царит легкий хаос – спуют врачи, переругиваются пациенты и нянечки, смеются медсестры. Сегодня климат явно отличался от обычного!

Проходя мимо большого зеркала, висевшего при входе в отделение, я притормозила. Что ж, могло быть и хуже – учитывая обстоятельства падения! Я сняла шапку и слегка пригладила волосы, с неудовольствием заметив один седой у самого виска. И как это я проглядела его, собираясь на работу? Я всегда гордилась своими волосами – длинными, гладкими и черными. В молодости я много экспериментировала с их длиной и цветом, обесцвечивая, завивая и придумывая другие пытки, стараясь сделать себя похожей на своих киношных кумиров. Годам к двадцати пяти я, наконец, сообразила, что *натуральной* блондинки из меня не получится, вернула естественный цвет и стала носить волосы распущенными, расчесывая их на прямой пробор. Мой бывший считал, что это чертовски сексуально. Может, так оно и было, только вот неудобств такая прическа доставляла массу. Достигнув тридцати с гаком и защитив диссертацию, я решила, что ходить распустехой несолидно, тем более что на работе все равно приходилось прятать гриву под шапочку. И я придумала себе новый стиль – вернее, «слизала» у ранней Мадонны: стала делать длинный хвост, туго стянутый на затылке. Во время операций я просто сворачивала из него пучок, закалывая шпильками. Кстати, я заметила, что таким образом прекрасно разглаживаются морщины на лбу, а глаза становятся зрительно больше!

Расстегивая на ходу шубу, я вошла в ординаторскую. Вообще-то положено оставлять одежду в гардеробе, вместе с простыми смертными, в смысле, с пациентами, но, хоть нас и пропускают без очереди, я предпочитаю раздеваться там, где на меня не глазают. Все столы в ординаторской оказались заняты – кроме моего. У меня не было стола до тех пор, пока Роберт не решил, что, поскольку я часто присутствую здесь, мне не годится ютиться в углу и довольствоваться временно свободными местами других врачей. Он распорядился поставить в помещение еще один стол, отчего маленькая комнатка стала казаться еще меньше.

– О, Агния, привет! – поднял веселые глаза Гоша Савельев, один из ортопедов, с которыми у меня с самого начала установились дружеско-покровительственные отношения. В роли покровителя выступаю я, как старшая и выдержанная по характеру. Гоша спал и видел себя в роли прославленного хирурга и уже несколько лет безуспешно пытался получить лицензию на проведение сложнейших операций по замене тазобедренного и коленного суставов.

– Хочешь анекдот? – спросил Савельев.

По его виду было заметно, что мое мнение спрашивается только из вежливости.

– Господи, опять! – простонал Антон Федоренко, огромный, как платяной шкаф времен Марии-Антуанетты. – Хоть ее-то оставь в покое!

– Так вот, – словно не слыша, продолжал Гоша. – Приходит старик к ортопеду и говорит: «Доктор, у меня очень болит правая нога». Врач пожимает плечами. «Что вы хотите? Возраст...» Старик возражает: «Но ведь левой ноге столько же лет, а она не болит!»

И Гоша звонко расхохотался, хлопая себя по ляжкам. Чтобы его не расстраивать, я тоже посмеялась, хотя анекдот старый, я его много раз слышала, причем в гораздо лучшем исполнении. Антон только закатил глаза, показывая, как ему осточертел наш остряк.

– А что это в коридорах так тихо? – поинтересовалась я, присаживаясь и доставая косметичку, чтобы заняться, наконец, лицом. Я не люблю делать макияж перед выходом из дома, во-первых, потому что просто не успеваю, а во-вторых, знаю, что за время поездки вся «красота» может испариться.

– Так ты что, не в курсе?

– Не в курсе чего? – переспросила я, занервничав. Ненавижу сюрпризы!

– Ах да, тебя же не было в отделении пару дней, верно? – внезапно припомнил Антон. – У нас новый зав, прикинь!

– Уже два дня – и никто не соизволил мне сообщить? – сердито буркнула я.

– Да только вчера приказ пришел, перед концом рабочего дня, – начал оправдываться Антон. – Половина состава вообще сегодня узнала!

– Значит, Роберта обскакали? – пробормотала я.

– Ага! – почти радостно согласился Антон. Всем известно, что они с Караевым друг друга недолюбливают, и, наверное, в глубине души Федоренко аплодировал главному за то, что он обошел Роберта назначением. Больше всего, разумеется, мой любовник должен злиться из-за того, что уже давно убедил всех, что именно он и станет заведующим. Теперь ему придется выслушать немало острых замечаний – за время исполнения обязанностей зава он уже успел насолить немалому количеству людей.

– А я его уже видел! – сообщил Гоша.

– Заливай! – фыркнул Антон.

– А вот и видел! – возразил Гоша. – Мы поздоровались.

– А откуда ты узнал, что это – новый зав? – спросила я.

– Тут не надо быть детективом, – пожал плечами Гоша. – Он спросил, где кабинет заведующего, а когда я показал, то открыл его своим ключом!

Антон скорчил забавную гримасу, но больше ничего не сказал: не верить Гоше не имело смысла.

– Ну и как он? – впервые подала голос Аня Смурякова, физиотерапевт. Как и я, она на ортопедии так называемый «приходящий специалист», и мы встречаемся довольно редко.

– Ну, мне трудно оценить, – усмехнулся Гоша. – Но тебе непременно понравится, – добавил он, видя, что Аня разочарована его ответом. – Высок, красив и так далее по списку.

Надо заметить, что сам Гоша едва дорос до ста шестидесяти сантиметров, как говорится, в холке, а потому очень ревниво относится к тем, кто выше его, особенно если этот кто-то – женщина. Это во многом объясняет его отношение ко мне – я-то возвышаюсь над ним на целую голову! Правда, несмотря на рост, Гоша пользуется невероятным успехом у противоположного пола, одному богу известно, почему: ведь ни особой красотой, ни явными талантами, привлекающими нас, женщин, парень явно не блещет. Что ж, остаются еще *скрытые* таланты...

– Ну, теперь начнется! – недовольно пробурчал Антон. – Новая метла по-новому метет!

– Старая метла тебе нравилась больше? – удивленно поднял брови Гоша, очевидно, имея в виду Роберта. – Кстати, где она, вернее, он? Я что-то его сегодня не видел.

Это и в самом деле казалось странным: Роберт всегда приходил на работу одним из первых, особенно с тех пор, как занял место покойного Ивахина.

– Устроил забастовку? – злорадно предположил Антон.

– Думаешь, вообще не появится? – встрепнулся Гоша, но Антон покачал головой, молча давая понять, что дальше заходить не следует. Действительно, хотя в беседе принимали участие всего четыре человека, в помещении находились еще несколько ординаторов, двое из которых работали непосредственно с Робертом. Ребята честно делали вид, что ужасно заняты бумагами, но на самом деле не могли не слышать нашего разговора, который не мог их не занимать.

Казалось бы, меня должно задеть негативное отношение некоторых коллег к моему любовнику. Однако в свое оправдание могу сказать, что никогда не обольщалась на его счет. Ну, может, только в самом начале наших отношений. Роберт был хорош в постели, и это я ценила больше всего. Для всего остального, как то: душевных бесед за чаем, нежных слов, держания за руку и тому подобного – он никак не подходил. Я не могла поплакаться ему в жилетку, если мне было плохо или грустно, – для этого у меня есть Данька, всегда готовый прийти на помощь, выслушать и понять. Надеюсь, что это именно *мое* воспитание дает о себе знать, а не бабушкино и уж тем более не отцовское! Так что мои друзья-коллеги не боялись при мне ляпнуть лишнего, зная, что дальше меня это не распространится. Более того, я ни за что не стала бы делиться с Робертом услышанным, так как знала, как быстро он выходит из себя и

каким брюзгой становится, когда задето его самолюбие. Если Роберта обошли с назначением и «подослали» чужака, наверняка к нему сегодня лучше не приближаться на пушечной выстрел!

Только я успела сунуть косметичку в сумку, как распахнулась дверь и на пороге с видом заговорщицы возникла Люда – та самая, с которой, как я подозреваю, мы в последнее время делим внимание Роберта. Я в очередной раз восхитилась ее молодостью (где мои двадцать пять?) и женственностью. Не могу сказать, что Людочка до невозможности хороша собой. Любой человек при желании мог бы отыскать в ее внешности немало недостатков – от слишком длинной талии и, пожалуй, чересчур крепкого телосложения до тонюсеньких бровей, но она обладала тем чисто женским обаянием, которое сводило мужчин с ума в Семирамиде, Клеопатре или Жозефине. Скажем так, на моей стороне – внешность и образование, на ее – юность, потрясающая способность к флирту с каждым объектом, имеющим хотя бы один из органов чувств, и полное отсутствие интеллекта. Что же касается *опыта* – думаю, здесь мне у Людочки учиться и учиться!

Сразу за девушкой в проеме замаячила еще одна фигура, гораздо крупнее и выше. И тут у меня отвисла челюсть. Ну конечно – *зубы*. А также нос, губы, волосы, оставившие неизгладимый след в моей памяти после сегодняшнего происшествия по пути на работу. Ему невероятно шел белый медицинский халат. Правда, мечтательно подумала я, такому к лицу был бы и мешок из-под картошки.

– Здравствуйте, – сказал мой герой, бесстрашно вырвавший меня из скользких объятий льда всего полчаса назад. – Люда любезно подсказала, где вы все обретаетесь. Я – ваш новый заведующий отделением, Олег Валентинович Шилов.

– Здравствуйте, – почти хором, как загипнотизированные, ответили мы. Наверное, примерно так солдаты приветствуют генерала на параде.

– Мне бы хотелось познакомиться со всеми, – продолжал новый зав. – Тех, кто не присутствует на операции, назначенной на одиннадцать тридцать, попрошу пройти в конференц-зал.

Большинство присутствующих поднялись со своих мест. Я, Гоша и Паша Бойко, ординатор Роберта, остались сидеть. Шилов внимательно посмотрел на меня. Узнал ли? Сомнительно. Во всяком случае, никак этого не показал.

– Удачи, – улыбнулся он, слегка обнажив при этом свои замечательные зубы. И закрыл за собой дверь.

– Ну, что я говорил? – обернувшись ко мне, спросил Гоша.

Я кивнула.

– Отпад!

Операция и впрямь начиналась через двадцать минут, пора было готовиться. Я накинула халат, висевший в шкафу, хотя могла бы этого и не делать – все равно переодеваться вниз. Сегодня оперировалась старушка с переломом шейки бедра. Ей под восемьдесят, а в таком возрасте кости хрупкие, и любое падение чревато опасностью. Я общалась с ней три дня назад, выясняя, есть ли у нее аллергия на наркоз. Я всегда разговариваю с пациентами не только о предстоящей операции. Мне интересно узнать о них побольше, ведь обычно мы встречаемся только тогда, когда они лежат на столе и уже не способны на откровенные беседы. Не хочу, чтобы люди воспринимали меня только как часть опасности, связанной с операцией, поэтому мне доставляет определенное удовольствие знакомиться с ними заранее, хоть я и знаю, что больше мы не увидимся, так как работа анестезиолога начинается и заканчивается в операционной. У меня, разумеется, есть распечатка стандартных вопросов, которые необходимо задавать всем пациентам, но я редко ограничиваюсь только ими. Часто приходится успокаивать, убеждать, что все будет хорошо, ведь люди порой так нуждаются в сочувствии и понимании. Для многих важно, чтобы их страхи рассеял именно профессионал, человек, который не просто похлопывает по плечу, но и знает, из чего это плечо состоит и как его, в случае чего, лечить. Я знаю, что для большинства хирургов пациент – не человек, а «материал» для работы. Именно

поэтому, в отличие от других отделений, например, терапии или гинекологии, врачи из хирургии и травматологии так мало общаются с пациентами – они просто не знают, как это делается. Тяжело смотреть в глаза человеку, к которому впоследствии залезаешь внутрь со своими инструментами и роешься там, словно под капотом автомобиля! Кроме того, всех медиков учат с первого курса: нет «безопасных» операций, любая, даже самая легкая, может закончиться фатально. Я до сих пор помню рассказы наших преподавателей общей медицины о том, как пациенты гибли во время банального удаления гланд или зубов. Поэтому вопросы больных меня не раздражают, даже когда кажутся откровенно идиотскими – в конце концов, это не мне ложиться под нож, а идущий на такую экзекуцию имеет, по крайней мере, право знать, что его ожидает!

Так вот, старушка не отставала от меня до тех пор, пока я клятвенно не пообещала: анестезия будет не общей, а регионарной, что значительно снизит риск возникновения проблем с давлением и дыханием (как и большинство людей за семьдесят, она страдала гипертонией). Интересный факт: пациентку, казалось, не столько пугала операция, сколько интересовал сам процесс. Она задавала множество вопросов и удовлетворенно кивала, получая ответы. Большинство людей нервничали бы, а она – нет. Только поинтересовалась, что ей теперь светит, после перелома. Я честно сказала, что шансы срастания кости в этом месте в ее возрасте невелики, но даже в этом случае ей скорее всего до конца жизни придется ходить на костылях. Старушка явно расстроилась, хотя, думаю, она уже задавала этот вопрос своему лечащему врачу и вряд ли могла получить другой ответ.

– Возможна еще операция по замене сустава, – заметила я. – Ваш доктор говорил вам об этом?

– Да, – кивнула старушка. – Но это слишком дорого. Откуда у меня, пенсионерки, такие деньги?

– Можно попробовать использовать социальную программу, – сказала я. На самом деле такие вещи, как «социальные» операции, действительно существуют, но рекламировать их не принято. Не то чтобы нам официально запрещали рассказывать пациентам о них, но кто-то там, наверху, считает: чем меньше человек знает о своих правах, тем лучше.

– Что за программа? – насторожилась старушка.

– Нужно обратиться в ваш местный собес, – сказала я. – Там вам все расскажут. Подробностей я не знаю, но, если у вас имеется инвалидность, то вы можете претендовать на бесплатную замену сустава и установку эндопротеза. Я слышала, что сейчас правительством выделены довольно большие деньги как раз для таких людей, как вы. У вас есть родственники?

– Дочка есть. И внуки, взрослые уже.

– Вот пусть и похлопочут. Наверное, процесс не такой уж и быстрый, но все в ваших руках. Безвыходных ситуаций не бывает.

Старушка благодарила меня долго и горячо. Это приятно. В сущности, нам требуется так мало, чтобы испытать прилив положительных эмоций...

* * *

По дороге домой я заскочила в «Север», чтобы порадовать Дэна. Он никогда не ест до моего прихода, за исключением тех случаев, когда у меня ночные дежурства и я совершенно точно не приду домой. Правда, мой сын, если ему не напомнить, может и вообще не есть – я просто не понимаю, как сто восемьдесят пять сантиметров роста и семьдесят кило живого веса могут обходиться практически без пищи долгое время или перебиваться чем придется, типа батончиков «Марс» или «Баунти».

Дэн встретил меня на пороге, измазанный красками, в своей старой рубашке, которую я из принципа не стираю просто потому, что он тут же заляпает ее снова.

– Я закончил тот пейзаж! – радостно объявил он.

Куся крутилась тут же под ногами, слюнявя во рту мой левый тапок.

Было время, когда я всерьез побаивалась, что мой сынок станет «ботаником». Он любил читать, а не драться с мальчишками во дворе, и вообще проводил время со мной и бабушкой, а не со сверстниками. Славка сына любит, но на расстоянии. Больше всего он обожает дарить ему дорогие подарки, когда у него заводятся деньги, но это случается довольно редко. Мой бывший муж не из числа тех отцов, что проводят со своими сыновьями много времени, учат их кататься на велосипеде, играть в футбол и рыбачить, поэтому воспитанием Дэна занимались я и моя мама.

С очень раннего возраста он стал проявлять интерес к рисованию. Мне нравились рисунки сына, но я не хотела стать одной из мамаш, которые готовы хвалить любую мазню своих отпрысков просто потому, что они являются их плотью и кровью. Однако когда Дэну исполнилось лет десять, мне домой позвонила учительница рисования и попросила о встрече. Она показала рисунки Дэна, сделанные на занятиях, утверждая, что у него явный талант, который необходимо развивать. Мама отвела парня в художественную школу. Он без труда сдал экзамен и поступил. В тринадцать лет он, по собственной инициативе, отправился в школу при художественном училище, прихватив с собой свои работы. Я узнала обо всем только тогда, когда Дэн принес мне записку от директора с согласием зачислить его без экзаменов! Мама взволновалась. «Ну кем он станет, скажи на милость? – вопрошала она, разводя руками. – Художником? Разве ж это профессия в наши дни?» – «А ты считаешь, что ему следует пойти в токари или слесари?» – спросила тогда я. «Чем не занятие? – отвечала она, как всегда, вопросом на вопрос. – По крайней мере, гарантированный кусок хлеба. Ну, не обязательно же рабочим, можно и инженером, и бухгалтером...»

К счастью, мой сынок и сам сообразил, что мольбертом в наши времена много не заработаешь (если ты, конечно, не абсолютный гений или в крайнем случае не Никас Сафронов). В старших классах он увлекся компьютерной графикой. Я только диву давалась, какие высокохудожественные вещи он умел создавать с помощью машины! Думаю, мне не следует беспокоиться о его будущем.

Пару лет назад в нем внезапно проснулся интерес к противоположному полу. Вернее, наоборот – это девочки стали не давать ему проходу. Без ложной скромности могу заметить, что Дэн – чертовски привлекательный парнишка для своего возраста. Порой, глядя на него, испытываю не только гордость, но и удивление оттого, что это – мое собственное «произведение». Конечно, при небольшом участии Славки, не отрицаю.

– А у тебя все живы? – поинтересовался сын, принимая у меня пальто. Это – целиком заслуга бабушки: она, человек старой закалки и бывший директор школы, считала воспитание вежливости в своем внуке очень важным. Она любит говорить, что в ее роду были князья. Славка частенько шутил по этому поводу. Дело в том, что по материнской линии в ней течет грузинская кровь, и Слава говаривал, бывало, что в Грузии до революции князьями считались все, у кого имелась хотя бы одна корова и пара овец. Кстати, мои волосы и темные глаза достались мне от предков матери. Дэн пошел в меня лишь цветом волос. Глаза у него отцовские, темно-голубые, красивые и нахальные. И я уже начинаю побаиваться, как бы мне самой раньше времени не заделаться бабушкой!

– Слава богу! – ответила я, проходя на кухню и выкладывая пирожные на стол. Куся семенила следом. Моя старушка и в самом деле хорошо перенесла операцию. Роберт опять оказался на высоте, несмотря на свое плохое настроение.

На самом деле сегодня я присутствовала на четырех операциях, две из которых проводило хирургическое отделение, но они были достаточно легкими и кратковременными – наркоз действовал всего по тридцать минут. Для меня, как для анестезиолога, сложность операции измеряется продолжительностью наркоза, вернее, количеством его повторных введений.

– О, пирожные! – радостно воскликнул Дэн и попытался схватить одно прямо из коробки, но я захлопнула крышку, прежде чем он успел это сделать.

– Так нечестно! – пробурчал сын обиженно, как маленький.

– Сначала – нормальный ужин, – строго сказала я и полезла в холодильник за супом.

Куся с тяжелым вздохом улеглась под столом. Она знала, что, хотя Дэн уже покормил ее после прогулки, все равно получит подачку со стола, а если повезет, то и сладенькое.

– А где, кстати, бабушка? – поинтересовалась я с явным опозданием.

– В театр намылилась. Сказала, что пенсионерам дают бесплатные билеты в Театр музыкальной комедии. Она с Тamarой Михайловной пошла.

Тамара Михайловна жила в соседней квартире. Можно не бояться, что маме одной придется возвращаться домой по темной улице.

– Наверное, ерунда какая-нибудь, – предположила я. – Раз бесплатно билеты раздают.

Сын со мной согласился. С другой стороны, маме надо почаще выходить из дома, поход в театр ей не повредит. Со смерти отца она здорово сдала и оправилась совсем недавно, хотя папа умер уже пять лет назад.

За ужином мы разговаривали в основном об учебе Дэна. Сын хорошо меня понимает и старается не касаться больничной темы, если только я сама не захочу рассказывать.

Приняв горячий душ и закутавшись в пушистый банный халат, я присела на кровать перед зеркалом. Распустила волосы, надела обруч, чтобы убрать пряди со лба, и принялась пристально разглядывать свое отражение. Совсем неплохо для тридцати восьми лет: кожа гладкая, без морщин, глаза ясные, широко раскрытые, невероятно темные. Конечно, соперничать с нашими юными медсестричками не приходится, ведь годы-то за пазуху не засунешь! Тем не менее, как ни парадоксально, сейчас я себе нравлюсь гораздо больше, чем в двадцать и даже в двадцать пять. Тогда я была угловатой, неуклюжей девицей со спутанной копной волос и вечно искусанными ногтями. Свой настоящий стиль обрела только годам к тридцати и тщательно полировала и оттачивала его с тех пор. Никогда не ношу броский макияж, в одежде предпочитаю спокойные тона, а так как чаще всего меня можно видеть в медицинском облачении, то стараюсь, чтобы халаты были чистыми, тщательно отутюженными и сшитыми по фигуре. У меня их четыре, и все, между прочим, разные.

Что мне не нравится в собственной внешности? Возможно, губы. Пожалуй, они слишком тонкие – женщинам положено иметь полные, чуть припухшие губки, как в гляцевых журналах. Я слегка надула губы, чтобы посмотреть, какой получится эффект. И тут же перед глазами возник другой рот – мужской, крупный, твердый, со слегка приподнятыми уголками. Я отошла от себя видение.

Нет, мама все-таки права: я сама не знаю, чего мне надо! Есть Роберт. Он, конечно, не идеален, но я уже не в том возрасте, когда верят в принцев. Мне достаточно того, что Роберт всегда рядом, чисто выбрит, модно подстрижен и от него хорошо пахнет дорогим лосьоном. И он помогает деньгами. Кстати, о деньгах!

Я выпотрошила свою сумку, вывалив ее содержимое на кровать. На самом дне лежал конверт, который Роберт незаметно сунул мне в карман сразу после операции. Когда я получила такой конверт в первый раз, то испытала чувство стыда, даже пробовала отказаться. А Роберт тогда предложил мне не быть душой, потому что пациенты благодарят врачей, как могут, и не след отказываться от того, что получено как подарок. «А ты предпочла бы, чтобы они подарили тебе еще одну ненужную вазу или коробку конфет, когда от них уже дома деваться некуда?» – спросил он. Я знала, что все берут эти конвертики с «благодарностями» – так уж заведено практически в каждой больнице любого мегаполиса. «Бесплатной медицины не бывает». В других отделениях мне редко что перепадает, ведь анестезиолог – человек, так сказать, лишний, не принадлежащий к кругу хирургов, распределенных строго по отделениям. Только на ортопедии я как-то влилась в коллектив, да и то в основном благодаря Роберту. Стал бы он

так стараться, если бы я не была его любовницей? Сомневаюсь, не тот персонаж. В своем же собственном отделении я тоже – не пришей кобыле хвост. Реаниматологи работают в команде, а я кто? Анестезиолог, поэтому такая уж у меня судьба – кочевать по отделениям и нигде не считаться своей.

В любом случае, эти деньги мне пригодятся – Славка подсуропил, чтоб его... Огромный долг, доставшийся мне «в наследство» от внезапно испарившегося мужа, требовал ежемесячных выплат. Бизнесмен из него всегда был никудышный, но энергия была ключом, и вот в результате – долг в пять миллионов, включая проценты, а ведь я даже не представляю, что за дело он собрался раскрутить! Ну почему, почему Славка не мог, как другие мужья, просто работать по найму и приносить в дом пусть и небольшие, но стабильные деньги? Ведь я в принципе неплохо зарабатываю (по крайней мере, я так полагала, пока не пришлось расплачиваться за муженька!). Но нет, Славка всегда стремился в заоблачную высь. Так надо было, черт подери, в космонавты идти – по крайней мере, это принесло бы почет и уважение. Его неувядающая мечта разбогатеть не раз подводила наше семейство к самому краю долговой пропасти, но теперь, кажется, я никогда не была настолько близка к тому, чтобы в нее рухнуть!

– Чем занимаешься? – поинтересовался Дэн, входя. Я быстро метнула конверт с «благодарностью» под подушку.

– Да вот, люблюсь, – усмехнулась я, поворачиваясь обратно к зеркалу. Сын сел позади меня и осторожно снял обруч. Волосы рассыпались по плечам.

– Есть на что, – тихо сказал он, кладя подбородок мне на плечо. – Ты же у меня красавица, ма! Почему не позволяешь мне написать твой портрет?

Это правда. Я не хочу, чтобы Дэн меня рисовал. Я терпеть не могу даже фотографироваться, а уж от мысли о долгих сеансах неподвижного сидения при написании картины мне вообще делается дурно.

– Тебе не придется тратить много времени, – словно прочитав мои мысли, заметил Дэн. – Я хорошо знаю твое лицо, фигуру. Мне просто нужно будет от тебя полчаса раз в пару дней. Ну, давай же, ма!

В его голосе послышались умоляющие нотки, а противостоять им я не умела никогда. Умела бабушка, но сейчас ее рядом не оказалось.

– Ладно-ладно, – вздохнула я. – Сломил волю матери!

– Вот здорово! – обрадовался Дэн. – Завтра же начнем.

– Завтра не получится, – покачала я головой. – Дежурство. Начнем послезавтра: у меня будет два свободных дня.

В коридоре хлопнула дверь, раздался приветственный лай Куси. Вернулась из театра мама, и я поняла, что лечь пораньше не придется: она не сможет устоять и не поведать нам во всех подробностях, что это был за спектакль и почему он ей *не* понравился.

* * *

С утра у меня есть еще одна обязанность – навестить соседок со второго этажа, Галину Васильевну Голубеву и ее дочь Светлану. Так уж получилось, что мне приходится опекать это маленькое семейство вот уже несколько лет – с тех самых пор, как Галина Васильевна, узнав, что я врач, попросила меня сделать ей несколько уколов. Каждый раз, входя в жилище Голубевых, я чувствую, как к горлу подступает комок. Квартира явно и давно нуждается в ремонте: обои во многих местах отстают от стен, плитки линолеума, уложенные еще с самых первых дней после сдачи дома, крошатся, осколки валяются повсюду. Старая мебель, протекающие кран и унитаз, но главное – запах. Запах старости и тлена не спутаешь ни с каким другим, как и запах откровенной бедности.

Галина Васильевна Голубева всю жизнь проработала рядовым воспитателем в детском доме. В жизни ей не слишком везло. Она вышла замуж очень поздно и родила умственно отсталую дочь. В целом Светлана, которой уже двадцать восемь лет, вполне нормальна – настолько, насколько можно считать адекватным десятилетнего ребенка. У меня каждый раз сжимается сердце, когда эта высокая, очень худая девушка радостно встречает меня у порога, обнимает и громко кричит на всю квартиру: «Мама, тетя Агния пришла!» Не выдержав, муж оставил Галину Васильевну саму разбираться с дочерью. К старости она стала верующей, и в их доме повсюду стоят иконы – дешевенькие, не имеющие ни культурной, ни художественной ценности. Все, что было в доме приличного, продали, когда с Галиной Васильевной случился первый инсульт, за которым через короткое время последовал второй. От него она так и не оправилась. Правая сторона тела осталась полностью парализованной, оттого и проблемы с речью. Когда она звонит по телефону, Дэн не понимает ни слова, а я уже принаоровилась и схватываю на лету. Брать деньги за капельницы и инъекции кажется мне кощунством, но Галина Васильевна ни за что не соглашается на бесплатную помощь. Поэтому я нашла компромисс: беру смешные деньги, а старушка, живущая в полной изоляции от внешнего мира, считает, что моя работа и впрямь стоит недорого.

Светлана, как всегда, встретила меня горячими объятиями и радостными возгласами. Оторвавшись от меня, понеслась сообщать матери о моем приходе, на ходу спотыкаясь о раздолбанный линолеум.

Я вошла в полутемную комнату, где лежала Галина Васильевна. К счастью, Светлана исправно выполняла мое распоряжение насчет проветривания, иначе здесь просто невозможно было бы находиться от застоявшегося запаха из смеси испражнений и лекарств.

– Здравствуйте, Галина Васильевна, – сказала я, изобразив улыбку. – Как вы сегодня?

Пожилая женщина посмотрела на меня бесцветными запавшими глазами.

– Как обычно, – ответила она. – В моей жизни уже ничего не изменится, дорогая.

Она старомодно называла меня «дорогая». Такого обращения я больше ни от кого и никогда не слышала. Так, наверное, разговаривали со своими молодыми воспитанницами дамы из высшего общества еще до революции.

– Полны пессимизма, как всегда, – констатировала я. – Света, ты маму переворачивала?

– Переворачивала, переворачивала, – прежде чем дочь успела ответить, сказала больная. – Светик, сделай-ка нам чаю.

– Ага! – радостно кивнула Светлана и унеслась на кухню.

Пока я возилась с ампулой лабеталола, раздался телефонный звонок. Аппарат стоял рядом с кроватью Галины Васильевны, прямо под здоровой рукой, чтобы ей, в случае чего, было удобно снять трубку. Правда, звонили ей в основном только я или врач из районной поликлиники.

– Слушаю! – сказала пожилая женщина в трубку и, получив ответ на другом конце провода, внезапно нахмурилась.

– Я же говорила тебе – не звони больше! – сердито добавила она. Когда Голубева-старшая начинала нервничать, различать ее речь становилось труднее, а сейчас она явно волновалась. – Я уже все решила, и нечего меня обхаживать! – почти крикнула она и швырнула трубку на рычаг.

Поймав мой вопросительный взгляд, Галина Васильевна виновато улыбнулась.

– Извините, дорогая, – пробормотала она, – вы не должны были этого слышать!

– Этот человек по телефону – он вас расстроил? – поинтересовалась я, одновременно переворачивая старушку и делая инъекцию.

– Моя племянница Антонина, – кряхтя, ответила Голубева.

– У вас есть племянница?

Я никогда не слышала от Голубевых о родственниках. Более того, мне всегда казалось, что они совершенно одиноки в этом мире. А теперь вдруг выясняется, что это вовсе не так! Тогда почему же инвалидам приходится владеть столь жалкое существование?

– Знаю, знаю, о чем вы думаете, Агния! – вздохнула Галина Васильевна. – Думаете, почему вы здесь ни разу не видели мою племянницу?

– Честно говоря, да, – призналась я, бросая пустую ампулу и использованный шприц в алюминиевую миску, стоящую на стуле.

– На самом деле у меня полно родственников, – проговорила старушка. – У Антонины трое детей, а у них уже свои дети, только я их никогда не видела. Да и сама она появлялась всего два раза: после первого инсульта, а потом – после второго. Квартиру нашу со Светланкой «пасет»!

– Почему вы так думаете?

– Да потому, что она и в больницу приходила выяснить, как скоро я на тот свет отправлюсь! – в сердцах воскликнула Галина Васильевна. – А как узнала, что пока не собираюсь туда, так и пропала бесследно – до следующего раза.

– Что, и помочь не предлагала? – спросила я.

– Предлагала, предлагала, – усмехнулась перекошенным от болезни ртом пожилая женщина. – Да только не бесплатно!

– Это как?

– В обмен на дарственную. Антонина предложила мне оформить дарственную либо на нее, либо на кого-нибудь из ее детей, а она тогда будет обо мне заботиться до самой смерти. Только как же я дарственную оформлю, если Светлана здесь живет? Она же молодая, сами понимаете, а Антонина... Не верю я ей, вот что! Мне, конечно, недолго осталось, но, боюсь, как помру, так она Светланку в дом инвалидов запихнет, а сама станет квартирой распоряжаться по своему усмотрению!

– Может, вы слишком плохо о ней думаете? – предположила я, не особо веря в собственные слова: если родная племянница требует плату за помощь, то, наверное, от нее не стоит ждать ничего хорошего.

– Не знаю, что и делать, Агния, – тяжело вздохнула Голубева. – Света в любом случае без меня пропадет. Вот и Антонина бухтит: оформи дарственную, а то «черные риелтеры» за Светку возьмутся! Хорошо, если просто квартиру отберут и выселят за сто первый километр, а то ведь и убить могут...

– Да ну вас, Галина Васильевна! – отмахнулась я. – Что за страсти такие? В конце концов, и вы еще умирать не собираетесь, да и мы есть – всегда поможем!

– Вы – наш ангел-хранитель, дорогая! – чуть ли не со слезами произнесла Голубева, хватая меня за локоть здоровой рукой. Ее пальцы оказались на удивление цепкими и сильными. – Что бы мы вообще без вас делали? Вы ведь позаботитесь о Светланке, когда меня не станет?

– Разумеется, Галина Васильевна, – попыталась успокоить ее я. – А как же? Мы ведь не чужие люди, соседи...

– Подайте мне, пожалуйста, шкатулку, Агния, – попросила старушка, отпуская мою руку.

Я подошла к серванту и, отодвинув пыльное стекло, вытащила резную деревянную шкатулку. Сколько приходила к Голубевым, она, помню, всегда там стояла, и я все гадала, что в ней может находиться, ведь в доме, кажется, не осталось ни одной ценной вещи.

– Откройте! – сказала старушка, глядя на меня слезящимися глазами.

Я повиновалась. На самом дне шкатулки лежало кольцо. Емкость явно слишком велика для одного ювелирного украшения, что заставило меня предположить: похоже, когда-то там действительно было на что посмотреть.

Словно прочитав мои мысли, Голубева сказала:

– Я любила украшения, когда была молодая. Что-то покупала сама, что-то дарил муж... Удивительно, как, оказывается, мало все это стоит, когда продаешь!

Взяв кольцо в руки, я покрутила его в свете тусклой лампы над кроватью больной. Я, конечно, не эксперт в такого рода вещах, но и мне совершенно ясно, что колечко, судя по всему, стоило всех украшений, которые когда-либо хранились в доме Голубевых. Довольно крупный бриллиант окружала мелкая россыпь рубинов, окаймленных более мелкими бриллиантами. Грани переливались в свете лампы, сияние прямо-таки завораживало.

– Какая красота! – воскликнула я, с трудом отводя глаза от украшения.

– Оно досталось мне от матери, – сказала Галина Владимировна, беря кольцо в руку и медленно вертя в узловатых пальцах. – Это кольцо в нашей семье передавалось из поколения в поколение с начала девятнадцатого века. Представьте себе, дорогая, мой предок был крепостным актером. Барин любил его и вместе с вольной одарил этим кольцом. Оно стало своего рода талисманом. Мой прадед был врачом еще до революции, довольно известным в те годы. Он эмигрировал в Штаты, как только почувствовал, что затевается что-то страшное, забрав с собой одну из дочерей. Вторая, замужняя женщина, моя бабка, уезжать отказалась. Прадед оставил ей это кольцо, веря, что тогда с ней ничего плохого не случится. Так и вышло: революция пощадила бабушку, как и Гражданская война, и блокада... Даже в самые тяжелые времена ни у кого из нас не возникало даже мысли о том, чтобы продать его или обменять на продукты – разве можно *продать* оберег? После моей смерти у Светланки останется только это кольцо, и оно, надеюсь, обеспечит ей безбедное существование на некоторое время!

– Думаю, Галина Васильевна, что торопиться вам не стоит! Даст бог, проживете еще достаточно долго!

– Эх, дорогая, да разве это жизнь? – горько вздохнула Голубева, и спорить с ней у меня просто не хватило лицемерия.

– В любом случае, – добавила она, – похоронить меня есть на что: я скопила почти сто тысяч с пенсии, и Светлана знает, где они лежат. Теперь надо придумать, как избавиться от Антонины, а то она все ходит и ходит кругами, как тигр в клетке, в ожидании моей смерти...

В этот момент в комнату вошла Света, неся на дешевом пластиковом подносе три разномастные чашки и блюдечко с дешевым джемом.

– Чай готов! – радостно заявила она и широко улыбнулась, как улыбаются маленькие дети, которым еще неведомо мировое зло, а потому они открыты и бесхитростны.

* * *

Подходя к больнице, я вспомнила о вчерашнем падении и замедлила шаг, стараясь двигаться с осторожностью. К счастью, сегодня дорожка не только к служебному, но и к главному входу больницы оказалась посыпана мелким гравием – экая роскошь по нашим-то временам!

Это оказалось не единственным изменением. Исчезла табличка с двери ординаторской. Эта табличка, предмет особой гордости Гоши, гласила: «Уважаемые пациенты! Помните: врачи конфеты не пьют и цветами не закусывают!»

А потом я увидела Люду. Боже мой, она явно провела всю ночь в салоне красоты и не ложилась, чтобы не испортить свой шикарный вид! Сколько я ее помню, Люда всегда носила «конский хвост», теперь же свежесбритые волосы ее были взбиты в высокую прическу, настоящее произведение парикмахерского искусства. На самом видном месте в этой копне красовалась невероятных размеров заколка, чьи псевдо-алмазные грани отражали лучи ламп дневного света. Она вышагивала на десятисантиметровых каблуках, а короткий халатик нежно-салатного цвета едва прикрывал аппетитную попку, и крепкие стройные ножки в таком «камуфляже» никак не могли остаться незамеченными. Люда одарила меня высокомерным взглядом

и сквозь зубы пробормотала нечто, что, наверное, в данных обстоятельствах можно принять за приветствие.

Однако Люда стала не единственной, чьей перемене в облике мне пришлось в тот день удивиться. Физиотерапевт Аня тоже по какой-то непонятной для меня причине опять оказалась в ординаторской.

– Что-то ты зачастила, – заметила я, окидывая взглядом броский макияж, сетчатые колготки и красные туфли-лодочки. Обычно ее в нашем отделении днем с огнем не сыщешь, а тут – такая неожиданность – два дня подряд! – Ты покрасилась?

– Нет, что ты, – возразила она, нервно улынувшись. – Это мой натуральный цвет.

Черта с два! Да за такой «натуральный» цвет в парикмахерской небось содрали тысячи три, не меньше. То, что происходило перед моими глазами, меня удивило, хотя о причине догадаться нетрудно: дело, несомненно, в новом заве! И тут я подумала, что сама пришла, как обычно, никак не подготовившись к встрече.

Не могу сказать, что у меня вообще не возникала такая мысль. Утром я вскочила пораньше, приняла душ с ароматным гелем и принялась за обработку лица – маска, косметика... В общем, когда проснулся мой сынуля и, глянув на меня изумленными глазами, спросил: «У вас на работе праздник?» – я тут же кинулась обратно в ванную и смыла с себя все, что успела «нарисовать». В самом деле, если разница между вчерашним и сегодняшним днем столь заметна, то мне вовсе не хочется выглядеть глупо в глазах коллег. А тем более – в *его* глазах.

Но теперь, увидев Люду и Аню при полном параде, я начала жалеть о том, что пренебрегла ухищрениями, которыми они воспользовались весьма умело и расчетливо.

Встряхнув головой, я отогнала от себя все мысли, не касающиеся работы, и уселась за свой стол, схватившись за первую попавшуюся историю болезни. Предстояли тяжелые сутки, и я не собиралась с самого начала настраиваться на негатив. Сегодня мне следовало увидеться с двумя пациентами в ортопедии и с тремя – в хирургии позвоночника, потому что потом я появлюсь в больнице только через два дня. Затем – операция в хирургии, три – в ортопедии и дежурство в приемном покое.

Около десяти я заскочила в столовую, чтобы перехватить чего-нибудь поесть до того, как начнут развозить еду пациентам. Я никогда не беру с собой бутерброды из дома, потому что у повара, Надежды Гавриловны, добрейшей души женщины, всегда есть чем нас, врачей, порадовать. В столовой никого не было, и я, пользуясь возможностью, выбрала себе столик за книжным шкафом, откуда меня не могли увидеть из коридора и большей части столовой. Этот книжный шкаф оказался здесь стараниями покойного зава. Пациенты приносили из дома книги – в основном, конечно же, дешевого карманного формата, в бумажных переплетах. Частенько они не хотели забирать их, прочитав, и оставляли в палатах. Нянечки и медсестры относили их в ординаторскую или сестринскую. Когда книг скопилось около полусотни, Ивахин предложил поставить в столовой специальный шкаф, который принесли из подсобки, чтобы все больные могли пользоваться этой импровизированной библиотекой. Никто не следил за возвратом литературы, поэтому любой мог взять понравившуюся книжку и унести с собой. Правда, обычно такого не случалось. Совсем наоборот: люди, прознав про «библиотеку», стали приносить все новые и новые издания даже после того, как выписывались. Похоже, скоро одним шкафом нам уже не отделаться. Я и сама частенько беру отсюда что-нибудь почитать, особенно на дежурстве.

По громкому смеху и стуку каблучков по бетону, стыдливо прикрытому старым линолеумом, я поняла, что в столовую вошли медсестры. Видеть их со своего места я не могла, но и они меня тоже.

– Нет, он пупсик! – раздался голос одной из девушек. Если не ошибаюсь, это Маша Орлова, которая совсем недавно окончила медучилище и, к счастью, еще не вполне освоилась. Я говорю «к счастью», потому что чем дольше младший медицинский персонал работает в

больнице, тем больше матереет. Мужчины-врачи еще могут ожидать уважения от этих девчонок, но уж никак не мы, женщины! Я заметила одну закономерность: самые лучшие отношения у меня почему-то складываются с теми медсестрами, которые старше меня. Те, что намного моложе, порой ведут себя не совсем адекватно. Я, помню, однажды заговорила на эту тему с Аней, на что она отмахнулась: «Да брось ты, они завидуют!» – «Чему завидуют?» – удивилась я. «Тому, что ты, красивая и в самом соку баба, стоишь намного выше их по положению. Тебя уважают пациенты и врачи, а о них ноги вытирают. Ну, в крайнем случае спят с ними, пока не приедятся, а потом новых находят: молодого «мяска» из училища в больнице хоть пруд пруди, сама знаешь».

Так вот, Маша являлась одной из немногих медсестричек, к которым я испытывала теплые чувства.

– Он просто прелесть, – продолжала она, – только очень уж строгий, по-моему, – не подступишься!

– Смотря кто подступает, – услышала я тягучий, как расплавленная ириска, голос Люды.

Я точно знала, что будут делать девчонки. Они обычно садились за один из столиков и вытаскивали из пакетов запасы, принесенные из дома. Они не могут позволить себе питаться в кафе, а больничную еду – не желают. А Надежда Михайловна подкармливает только старший медицинский персонал.

– Ну-ка, ну-ка! – заговорщицки прошептал еще один голос – кажется, Оли Федорук. – Ты уже наводила мосты?

– Еще бы! – самодовольно ответила Люда. Зная ее, я не сомневалась, что она уже построила целую дамбу – что там мост!

– Только, девчонки, ловить особо нечего. В смысле, ничего серьезного.

– А я бы с ним – и несерьезно! – мечтательно произнесла Маша.

– Женат, – отрезала Люда. – Жена – то ли актриса, то ли певица.

– Кто бы сомневался, – грустно протянула Оля. – Такие на дороге не валяются. Сами посудите: красавец, врач... В общем, мечта идиотки в ярких красках!

– А еще что о нем известно?

– Ну, – делано безразличным тоном отвечала Люда, – он перевелся сюда из столицы.

– Да ну? Из Москвы? – изумилась Маша. – Чего ж ему там не сиделось?

– Понятия не имею. Но знаю, что он из этих – с верхней полки.

– То есть – с деньгами? – уточнила Оля.

– Ага, точно. Папаша у него – какая-то шишка в ЦКБ.

– И как это его папочка в Кремлевку не пристроил? – поинтересовалась Маша.

– Сама не пойму, – ответила Люда. – Но заведующий отделением ортопедии нашей больницы – тоже неплохое место, ты не находишь?

– Значит, его сюда волосатая лапа поставила, – констатировала Оля.

– Ну, не только. Говорят, он изобрел какой-то новый метод установки коленного протеза, точно не знаю. У него и патент есть. За границей этим очень интересуются, между прочим.

– И откуда ты столько знаешь? – с легким сарказмом спросила Маша.

– От Роберта.

– Роберта Альбертовича?

Я машинально отметила, что Люда назвала Роберта просто по имени. Похоже, мои подозрения насчет них подтверждаются.

– Да, – говорила она между тем. – Он наводил справки. Ох, и злющий же он с тех пор, как Шилова назначили, вы представить себе не можете!

В этот момент я решила, что наелась. Отставив чашку и тарелку, поднялась, вынырнула из-за шкафа и, мило улыбнувшись медсестрам, прошествовала мимо них к выходу. Люда при

этом чуть не подавилась своим бутербродом, а остальные замолкли, словно нашкодившие церковные служки на похоронах.

* * *

Пациентка (по документам, Роза Григорьевна Васильева) сидела на кровати, свесив ноги. Выглядела она как-то печально: опущенные плечи, потерянное выражение лица.

– С чего такая тоска в глазах? – бодро спросила я. – Скоро будете с новеньким суставчиком, как огурчик!

Женщина посмотрела на меня настороженно.

– А где Роберт Альбертович? – спросила она.

– Понятия не имею. – Я пожала плечами. – Наверное, на операции. Я – анестезиолог. Вот пришла задать вам парочку вопросов.

– Но операция же еще через два дня?

– Верно, но меня не будет ни завтра, ни послезавтра, поэтому нужно все решить сегодня, чтобы во время операции ничего не пошло не так.

– А что может пойти не так?

Черт, все время говорю себе – следить за языком! Больные – народ нервный, могут расстроиться от любого нечаянно сорвавшегося слова.

– Да что вы так волнуетесь? – спросила я, делая удивленные глаза. – Все будет просто прекрасно: вы молодая...

– Скажете тоже, молодая! – усмехнулась пациентка.

– В истории болезни написано, что вам пятьдесят девять лет, верно? Это прекрасный возраст для такой операции. У вас нет никаких серьезных хронических заболеваний, кроме коксартроза, по поводу которого, собственно, вы и оперируетесь. Сначала вам заменят один тазобедренный сустав, а через полгодика – другой, и вы снова станете активны, как до болезни. Вы же еще работаете?

– Да, – кивнула Роза Григорьевна. – Я художник по костюмам, служу в театре.

– Красивая профессия! – искренне заметила я.

В истории болезни я прочитала, что пациентка жалуется на сильные непрекращающиеся боли в обоих тазобедренных суставах. Если при артрозе у пациента вполне может и напрочь отсутствовать болевой синдром, то коксартроз и некроз суставов характеризуются сильной болью. Разумеется, такую жизнь никак нельзя считать счастливой, поэтому операция в таких случаях просто неизбежна. Роза Григорьевна, кроме того, не должна была потратить ни копейки собственных денег на замену сустава, потому что она получила квоту и за нее расплачивалось государство – не каждому так везет, между прочим! Многим приходится дожидаться своей очереди на получение квоты годами, а вот Васильевой удалось все оформить в течение нескольких месяцев. Конечно, немаловажным оказалось то обстоятельство, что Министерство здравоохранения, подчищая «хвосты», под конец года начало избавляться от оставшихся с прошлого года денег, и больницы получили эндопротезы в больших количествах. Беда лишь в том, что реализовать их необходимо до конца года (а уже, пардон, декабрь!), больницы же, к сожалению, в силу объективных обстоятельств имеют возможность принять только определенное количество людей. Так что Розе Григорьевне повезло дважды: она не только получила квоту, но и успела лечь на операцию, то есть встретит праздник в кругу родных.

В этот момент в палату вошел Роберт. При его появлении все вокруг, казалось, становилось меньше размером. И дело не в том, что Роберт очень крупный мужчина – хотя и это тоже имело значение, – просто он своим присутствием как будто подавлял окружающее пространство. Сейчас он улыбался. Пациенты таяли от его улыбки, так как видели ее редко: обычно лицо врача хранило серьезное выражение. «Народ, – говорит он, – должен знать, что мы тут

делом занимаемся, а не в игрушки играем». Странный он. Можно подумать, пациенты ложатся в больницу, чтобы посплетничать и хорошо провести время в «комфортных» условиях палаты!

– Ну-ка, ну-ка, – заговорил он тоном, которым добрый родитель успокаивает своего ребенка, – между прочим, абсолютно ему не свойственным. – Что за мандраж, а? Разве мы с вами не договорились обо всем, Роза Григорьевна?

– Да, Роберт Альбертович, – пробормотала пациентка, вжимаясь в стену за кроватью, – но я так боюсь... Может, не стоит все же делать операцию? Есть ведь и другие методы, без-операционные?

– Милая моя, – вздохнул Роберт, – для вас этих методов не существует. Здесь, к сожалению, мы имеем дело с коксартрозом и некрозом суставов. Вы понимаете, что такое некроз?

Больная неопределенно мотнула головой.

– Это значит, что сустав отсутствует, Роза Григорьевна. Ваша нога будет постепенно выкручиваться в бедре, и этот процесс необратим. Если бы речь шла только об одной ноге, можно было бы еще подумать на эту тему и не делать операцию, но в таком положении находятся оба сустава! Вы хотите совершенно потерять возможность передвигаться – это в вашем-то активном возрасте? Хотите остаток жизни провести в лежачем положении?

Я бы сказала, со стороны Роберта эта речь была жесткой и безжалостной. С другой стороны, он старался на благо больной, поэтому я готова была простить ему эту тираду, больше похожую на угрозу, нежели на увещание. Иногда мне кажется, что Роберт всерьез мнит себя кем-то вроде Создателя! Все хирурги страдают этим комплексом, но у большинства он со временем проходит – после десяти-пятнадцати самостоятельных операций или после первой же смерти пациента на операционном столе. У Роберта так и не прошло.

– Понимаете, Роберт Альбертович, – тихо проговорила Васильева, – это моя первая в жизни операция, у меня даже карточки в районной поликлинике нет, а полис пришлось оформить, только когда инвалидностью стала заниматься...

– Что, и железы не удаляли? – недоверчиво спросил Роберт.

Женщина покачала головой.

– Значит, вам удивительно повезло, Роза Григорьевна, – констатировал он. – Немногие люди могут похвастаться таким здоровьем. Тем более нечего бояться! Ну что, договорились? Не будем больше дрожать?

Роберт, как я уже говорила, умел быть милым и сейчас зачем-то включил все свое обаяние – возможно, потому, что я тоже находилась в палате.

– На самом деле, Роза Григорьевна, я вот по какому поводу, – продолжал он, увидев, что необходимый эффект достигнут. – Я не сомневаюсь, что операция пройдет с успехом, но при эндопротезировании часто случается большая кровопотеря...

– Я, пожалуй, пойду, – заторопилась я, не желая присутствовать при дальнейшем разговоре. Я прекрасно знала, что сейчас Роберт начнет навешивать пациентке на уши лапшу типа: «В городе дефицит крови, и никто не поставляет ее бесплатно, поэтому нам приходится покупать кровь и плазму на деньги пациентов. Это не так дорого, всего полторы тысячи рублей», и так далее!

Вранье! Крови действительно иногда не хватает, и родственников пациентов, лежащих на операцию, обычно просят сдать кровь для пополнения банка, но денег за это не платят – во всяком случае, *в руки врачу!* Но ни Роберт, ни Гоша, насколько я знаю, обманом не брезговали. Не уверена, что все этим занимаются, но, думаю, многие. Я таких вещей не люблю. По опыту знаю, что деньги берут и мои коллеги из анестезиологии – за «хороший» наркоз. Звучит это примерно так: хотите блевать двадцать четыре часа после операции или предпочитаете спокойно отоспаться и проснуться, словно ничего и не случилось?

Догадайтесь, что выбирает большинство больных?

Однако все это – неписанные законы нашей профессии, и приходится как-то выживать в таких условиях. Я предпочитаю закрывать глаза и затыкать уши, когда сталкиваюсь с подобными проблемами на работе: бороться означает плевать против ветра и стать изгоем среди себе подобных.

Выходя из палаты, я услышала, как Роберт крикнул мне:

– Агния Кирилловна, подождите меня в коридоре, пожалуйста!

Я вздрогнула и почувствовала, как по моему позвоночнику пробежала дрожь желания. Ничего не могу с собой поделать: Роберт действует на меня именно так. Не так уж и красив, да и характер – не дай боже, но в постели он – король, а я, признаюсь честно, люблю секс. И сейчас в голосе Роберта, в его единственной фразе, звучало обещание, которому я не могла противиться.

Выйдя из палаты, я прижалась к стене и застыла в ожидании. И как раз в этот момент зазвонил телефон. Не глядя на экран, я нажала на кнопку и услышала до боли знакомый, ненавистный голос:

– Здравствуй, красавица! – забубнил он в трубку. – Ты помнишь, что сейчас начало месяца? Пора отдавать очередную порцию денежек!

– Помню! – раздраженно рявкнула я. – Просила же днем не звонить – я не могу разговаривать на работе.

– Ну, извини, лапочка, – с издевкой ответил мой собеседник. – У меня тоже, знаешь ли, рабочий день не круглосуточный – звоню, когда время есть. Так когда мы встретимся?

– Я позвоню.

– Ну, хорошо, – согласился он. – И помни: мы все о тебе знаем, так что не пытайся выкинуть какой-нибудь финт. Сын-то твой в сорок вторую гимназию ходит, да? Кстати, парень у тебя красивый... И здоровый – для своих лет, но это ему не поможет, если что. Ты меня поняла?

Я похолодела. Мне даже в голову не приходило, что подонки могут следить за Дэном!

– Поняла, – быстро сказала я. – Не вздумайте даже приближаться к моему ребенку, слышите?!

– Не кипятись, киса, – на этот раз голос звучал примирительно: очевидно, он понял, что переборщил с угрозами. – Ты ведь понимаешь, мы деловые люди, а не бандиты с большой дороги!

Как же, не бандиты! Черт бы побрал Славку с его предпринимательскими «талантами», загнавшими нас в долговую яму, – и как его только угораздило связаться с этими отморозками? Почему было не пойти, к примеру, в нормальный банк, не оформить ссуду по всем правилам? С другой стороны, я, конечно же, понимала, что банк в любом случае отказал бы ему в такой огромной сумме без гарантий...

– Ну, бывай. И не забудь позвонить, когда будешь готова.

Я записнула телефон в карман, как будто это он виноват во всех моих бедах, и тут же почувствовала сильные, тяжелые руки на своих плечах.

– Это опять они, да? – тихо спросил Роберт.

Я смогла только кивнуть.

– Не волнуйся, – сказал он. – Все уладится.

– Ох, не знаю, – пробормотала я, позволяя себе роскошь на мгновение привалиться к Роберту. – Такая сумма... Смогу ли я когда-нибудь расплатиться?

– Сможешь, – уверенно сказал Роберт. – Наши дела идут неплохо, и пациенты нас не забывают. Не вешай нос, мать, я тебя не брошу!

Слышать это приятно, хотя я не верила ни единому слову: я давно перестала верить обещаниям.

– У тебя завтра выходной? – Роберт уже переключился на другую тему. – У меня, между прочим, тоже. Ты знала?

Я знала, но не забывала и о его жене и детях.

– Они отбыли в Египет, – словно отвечая на мой невысказанный вопрос, шепнул мне в ухо Роберт. – На две недели. Сечешь, мать?

У Роберта прекрасная четырехкомнатная квартира в одном из новых кварталов, на самом последнем, двадцать четвертом, этаже. В этой квартире мы с Робертом провели немало приятных часов в окружении многочисленных растений, которые так любила его жена, и дорогой антикварной мебели, которую предпочитал он сам.

– Так что? – спросил Роберт, легонько ткнув меня локтем в бок. – Приедешь?

– Не могу, – нехотя ответила я. – Дэну пообещала попозировать для портрета.

– Целый день?

– Нет, конечно, не целый, но...

– Вот и приезжай, как закончишь, – тоном, не терпящим возражений, сказал Роберт. – У меня классный коньяк, вино, я куплю торт и всякой прочей ерунды, которая тебе так нравится.

С этими словами он отстранился от меня и быстрым шагом двинулся по коридору к ординаторской. Я постояла еще немного, давая ему фору, а потому пошла в том же направлении. Проходя мимо кабинета заведующего, увидела, как оттуда выскочил Павел Бойко, ординатор Роберта. Парень был весь красный, его трясло. Глянув на меня безумными глазами, он, не поздоровавшись, рванул по коридору к черной лестнице.

Павел пришел в отделение полгода назад, и мне казалось, что из него получится неплохой ортопед. Дело не только в том, что он очень симпатичный и немного напоминает Дэна – хотя это, конечно, немаловажная причина моей симпатии. Павел умеет разговаривать с людьми, а это качество врожденное, ему невозможно научиться, особенно когда и желания-то особого нет. И руки хорошие. Со временем он, возможно, сам начнет отлично оперировать – это если Роберт позволит, потому что сам любит быть звездой, а такому нужна свита, а не другие звезды, которые вполне могут ее затмить. Именно поэтому только два врача во всем отделении ортопедии и травматологии занимались установкой эндопротезов – ныне покойный Ивахин, отошедший от операций лишь пару лет назад, и Роберт. Все остальные могли только мечтать о получении лицензии на право заниматься тем же. По сути, следующим на очереди стоял Гоша. Рано или поздно Роберту придется подвинуться, потому что тот своих попыток не оставит. Да и новый зав будет оперировать. Девчонки говорили что-то о новом методе, который он изобрел, – наверняка это бесит Роберта еще больше, чем то, что вожаемое место досталось не ему. Что же все-таки случилось в кабинете Ива... нет, теперь уже Шилова? Что он мог наговорить Пашке? Отчего тот выскочил в таком виде?

День выдался на редкость суматошный. Операция с Робертом прошла хорошо, как обычно. На хирургии позвоночника оперировали дедушку восьмидесяти семи лет. Мы всегда боимся таких пациентов: какими бы здоровыми на вид они ни казались, возраст есть возраст, и он всегда тянет за собой целый букет болезней, которые могут проявиться совершенно неожиданно и повлечь за собой необратимые последствия. Для врача нет ничего тяжелее, чем потеря пациента на столе. Несмотря на то что сердце со временем черствеет и к таким вещам начинаешь относиться спокойнее, все равно каждый раз испытываешь чувство вины и обиды на бога (если он, конечно, есть)!

Но дедок, к счастью, прекрасно справился. Ему удалили грыжу с позвоночника и благополучно доставили в реанимацию.

– Вот, погляди, – подмигнул мне Илья Лазерсон, хирург, ведущий операцию. – Старая закалка везде дает о себе знать. Попробуй-ка, доживи до таких лет, оставаясь в здравом уме и твердой памяти, а потом переживи сложную операцию под общим наркозом!

Небольшая передышка образовалась у меня только в районе половины третьего. Есть не хотелось, но я все равно сходилa в столовую выпить кофе. Меня ожидала последняя на этот день операция – с Шиловым. Ассистировал Гоша. Еще должны были присутствовать два новеньких ординатора, имен которых я пока не выучила.

Спустившись в операционную, я увидела, что все уже в сборе.

– Опоздываешь, Агния Кирилловна! – пожурил меня Гоша.

– Ничего подобного, – возразила я, бросив взгляд на большие круглые часы над входом. – Еще пять минут.

– Я пришел раньше, следовательно, ты опоздала, – не унимался Гоша.

Я вымыла руки, и медсестра Антонина облачила меня в операционное «обмундирование». Я люблю работать с Тоней. Эта женщина средних лет действует на меня успокаивающе, как и на пациентов. У нее добрые усталые глаза, она всегда знает, что делать, и выполняет указания врачей четко и без сбоев.

– Не обращайтесь на него внимания, Агния Кирилловна, – тихо сказала она мне, помогая завязывать робу. – Язык без костей, мелет и мелет!

Я и не думала обижаться на Гошку. Мы с ним частенько друг друга подкалывали, и пикировка обычно доставляла удовольствие нам обоим. Просто сегодня у меня не было настроения отвечать на его шуточки.

Шилов уже находился в операционной и возился с инструментом. Он поднял на меня глаза и слегка кивнул в знак приветствия.

Оперировалась молоденькая девушка, почти девочка. Я беседовала с ней только вчера, она держалась молодцом. Болтала без умолку, и только через десять минут разговора до меня дошло, что она страшно напугана предстоящей операцией, потому и сыплет словами, словно это могло отодвинуть неизбежное. Девчушку, кажется, звали Катей. Она рассказала, что несчастье случилось с ней на дне рождения приятеля. Она вышла на балкон за холодцом, споткнулась, рухнула на бетонный пол и сломала ногу в колене.

Предстояло не эндопротезирование – всего лишь установка титановой пластины, и времени операция должна была занять немного, но, подойдя к столу, я прямо кожей почувствовала флюиды ужаса, которые испускала пациентка. Ей еще в палате сделали расслабляющий укол, но он, очевидно, пока не подействовал, или доза оказалась слишком маленькой.

– Представляете, – шепнула мне Тоня, – девчонки сказали, что она не хотела раздеваться догола! Ругалась с сестрами и настаивала, чтобы оставить хотя бы трусы!

Я склонилась над столом и заглянула в широко раскрытые глаза девушки. В расширенных от инъекции зрачках плескался страх. Я положила ей ладони на виски и заставила Катю сфокусировать на мне взгляд.

– Все будет хорошо, – твердым голосом сказала я. – Слышишь? Это не трансплантация сердца, в конце концов, а всего лишь обычная, не самая сложная операция. Сейчас ты расслабишься, я сделаю тебе еще один укол, но ты не заснешь. Возможно, ты даже будешь слышать нас, поэтому бояться совершенно нечего – ты не одна. Поняла, Катюша?

Девушка несколько секунд смотрела мне прямо в глаза, не отрываясь, будто пытаясь зацепиться за мой взгляд, чтобы установить непрерывную связь с тем, кто мог ей помочь. Затем кивнула, сглотнув комок в горле. Подняв голову, я заметила, что Шилов пристально смотрит на меня, и тут же отвела взгляд, занявшись ампулой с наркозом.

Катя не закрывала глаз до тех пор, пока анестезия не начала действовать, и все смотрела на меня. Потом ее веки начали дрожать. Она еще некоторое время пыталась бороться с нарастающей слабостью, но сопротивляться сильнодействующим медикаментам не в состоянии даже великие шпионы, не то что девятнадцатилетняя девчонка!

– Пациентка стабильна, – сказала Тоня, следящая за аппаратурой.

– Начали! – скомандовал Шилов. – Да, надеюсь, никто не возражает против музыки?

Мы одновременно покачали головами.

– Если только не рэп, – бросил Гоша. – Терпеть его не могу!

Шилов ручкой скальпеля нажал на кнопку магнитофона, который я заметила лишь сейчас, потому что отвлеклась на короткую беседу с Катей. Из динамиков полились странные звуки, заунывные и в то же время умиротворяющие. Потом к звукам присоединился голос, выводящий мелодию на чужом языке.

– Работаем! – сказал зав, и понеслось.

* * *

Я ничего не имею против ночных дежурств. Конечно, когда Дэн был еще маленьким, я с тяжелым сердцем оставляла его дома, но, по сути, он никогда не был один, ведь мама жила с нами и вполне могла позаботиться о внуке в мое отсутствие. Теперь же, когда сын вырос, я еще больше полюбила дежурить по ночам. Не знаю, почему, но мне нравится полная тишина в больнице, пустые коридоры и приглушенный свет. Когда идешь здесь совершенно одна, кажется, что тебя окружает другой мир, призрачный и неизвестный, словно ты и не знаешь каждый закоулок здания, как свои пять пальцев. Особенно мне нравится, если ночь выдается спокойная. Я помню один случай, когда неподалеку от больницы, на перекрестке, случилась страшная авария. Автобус дальнего следования столкнулся с фурией, пострадала уйма народу. Так как мы находились ближе всего к месту аварии, самых тяжелых привезли к нам. То свое дежурство я не забуду никогда.

Но эта ночь ничего подобного не предвещала. В приемном покое царил тишина. Дежурная медсестра Таня – добрая душа! – сварила мне кофе, и я, скинув туфли, положила гудевшие от дневной беготни ноги на соседний стул и собралась насладиться отдыхом.

– Релаксируете? – услышала я веселый голос и дернулась, едва не расплескав кофе.

– Вы тоже здесь? – пробормотала я, уставившись на Шилова, как на призрак.

– А что вас так удивляет? – спросил он.

Я не стала ему говорить, что заведующие отделениями обычно не затрудняются ночными дежурствами, перекладывая эту неприятную обязанность на подчиненных. Вот я, например, дежурила уже второй раз за две недели от реанимации и анестезиологии – потому что наша заведующая, Елена Георгиевна Охлопкова, меня *попросила*. Попробуйте-ка отказаться, когда вас о чем-то просит начальство, ведь эта просьба, вздумай вы отказаться, немедленно примет форму приказа. Если даже и нет, то потом хлопот не оберешься. Нет уж, я лучше подежурю. Зато, когда начальство у тебя в долгу, можно выбить себе кое-какие поблажки, о которых нельзя и мечтать в любом другом случае.

– Просто странно, что мы снова встретились так скоро после операции, – ответила я, мило улыбнувшись.

– Понятно. А что это вы пьете? Никак, *настоящий* кофе?

– Ага. Полгода назад главный раскошелился на кофемашину. Все давно просили, потому что без крепкого кофе дежурить по ночам и вовсе грустно.

– Что, и мне нальют?

– Конечно, нальют, – сладко пропела Татьяна, сияя, как медный гривенник. Обычно она редко улыбалась. – Сливки? Вам сколько сахара положить?

– Нисколько. Я пью черный.

– Совсем как Агния Кирилловна! – неодобрительно покачала головой медсестра. – Разве вы, врачи, не в курсе, как это вредно?

– Знаем, – вздохнула я, – но ничего с собой поделать не можем.

Когда Татьяна ушла за кофе, я решила спросить:

– А что за музыку вы включали на операции, Олег Валентинович?

– Вам не понравилось?

– Да нет, понравилось. Очень... успокаивает, знаете ли.

– На это я и рассчитывал, – удовлетворенно кивнул он. – Это индийские раги.

– Индийские – что?

– Классические индийские песнопения. Строго говоря, – продолжал он, присаживаясь на краешек стола, – раги связаны с определенным временем суток. Есть утренние раги, дневные, закатные, вечерние и ночные. И каждая из таких групп характеризуется собственной мелодикой и особым ритмом. Между прочим, есть еще раги для сезона дождей, весенние раги, раги для праздника урожая и так далее.

– Вы много об этом знаете, – заметила я. – Вы, случайно, не индуист?

И тут же сообразила, что, возможно, веду себя не слишком корректно: затрагивать религиозные убеждения человека всегда считалось плохим тоном.

– Простите! – тут же пробормотала я.

– Да нет, все в порядке, – улыбнулся он. Улыбка у него была... очаровательная – по-другому и не скажешь! – Я не индуист. Я буддист.

– Да ну? – Брови помимо воли взлетели вверх.

– Ну, не пугайтесь так, – успокоительным тоном сказал Шилов. – Я не брею затылок, не ношу жутких оранжевых одежд и не пою гимнов.

– И в чем же тогда заключается ваша религиозность? – поинтересовалась я.

– А я и не сказал, что религиозен. Честно говоря, никогда не относился к религии серьезно. Мне всегда казалось, что врач просто не имеет права верить в высшую силу, потому что, раз уж «на все воля божья», то зачем ей противостоять, лечить, возвращать из мертвых? Бог, как говорится, дал, бог взял... И при этом наша профессия теряет всякий смысл, вы не находите?

Я задумчиво кивнула.

– Но потом, – продолжал Шилов, – я начал ощущать некоторый дискомфорт. Мне потребовалось нечто, за что можно было бы зацепиться, нечто, что могло бы объяснить смысл моего существования и всего, что я делаю. В общем, стал искать свое место в жизни.

– И что, нашли? – спросила я.

– Нет, – покачал головой Шилов. – Но понял, что нужно продолжать искать. Буддизм – это вечные поиски себя. Меня прельстила идея, что не человек должен стремиться к богу, а сам бог живет в человеке. Каждый из нас при желании может прикоснуться к вечности, к самому Создателю, каким бы он ни был, и для этого совершенно не обязательно простаивать часами на коленях, бить поклоны и смолить свечи... Ну и еще я вегетарианец, – добавил он, сверкнув своими великолепными зубами. – А в остальном из меня вышел такой же плохой буддист, какой получился бы христианин или мусульманин.

Татьяна принесла кофе, и Шилов отключился, смакуя напиток. В этот момент за дверьми послышался шум, а минуту спустя в приемный покой влетели несколько человек в синих комбинезонах. Очевидно, из бригады «Скорой помощи». На раскладных носилках они везли мужчину, который размахивал руками и сыпал таким отборным матом, что любой собиратель фольклора просто обзавидовался бы. Мы с Шиловым выскочили из-за застекленной стойки, Татьяна – за нами.

– Вот! – объявил один из врачей, указывая на пациента, словно представлял какую-то знаменитость почтенной публике. – Этот кадр прыгал по шоссе, шнырял между машинами и в результате получил то, к чему стремился: перелом ноги и сотрясение мозга!

Не успела я подойти к носилкам, как в ноздри мне ударил жуткий смрад. Судя по агрессивному поведению пострадавшего, он находился под сильными парами, а его синюшная, опухшая физиономия не оставляла ни малейших сомнений в том, что он принадлежит к столь многочисленному ныне племени бомжей.

– Ч-что в-вам н-надо от н-нас, п-простых л-людей?! – вопил он, с трудом выговаривая слова. – Г-гады, п-псы п-поганые! Отпуст-тите м-меня, с-сволочи!

– Может, и впрямь отпустить? – с надеждой предложила я, понимая, что этого, к сожалению, мы сделать не сможем.

В последнее время бомжей привозили все чаще. В основном серьезных повреждений у них не было, и дело кончалось тем, что медсестры мыли их, приводили в порядок и отпускали поутру или через пару дней. Однако это явно не тот случай: мужик и впрямь нуждался в медицинской помощи, а это означало, что возиться с ним придется именно нам.

Пока я размышляла, стараясь не прислушиваться к непрекращающимся крикам, Шилов позвонил в операционную. Татьяна тем временем всадила мужику хорошую дозу успокоительного. Надо сказать, что это потребовало от нее немалой ловкости, так как попасть в мышцу постоянно движущейся руки не так-то просто. Бомж, казалось, даже не заметил, что его укололи, да и эффект последовал далеко не сразу: он успокоился только тогда, когда его вывозили из лифта, но все еще продолжал бормотать угрозы и ругательства.

Разбирались мы с ним довольно долго, наркоз я давала аж три раза. Потом бомжа отвезли в реанимацию, а мы с Шиловым вернулись в приемный покой.

– Господи, хоть бы остальные пахли не так отвратно! – пробормотала я, плюхаясь на стул. Мне казалось, что вонь, ворвавшаяся в помещение при появлении нашего беспокойного пациента, до сих пор не рассеялась.

– Что ж, жаль вас разочаровывать, – пожал плечами Шилов, – но наша работа, к сожалению, не всегда состоит из одних лишь роз. Если вас это утешит, то я могу сварить вам еще кофе, потому что старый уже давно остыл, а Татьяна, как на грех, куда-то пропала.

Вот так номер: заведующий отделением будет варить *мне* кофе?! Но он, похоже, и в самом деле имел в виду то, что сказал. Через несколько минут мы с Шиловым, уютно устроившись на небольшом диване в приемном покое, пили горячий кофе и разговаривали о всякой ерунде.

– Идите поспите, – предложил он, заметив, что глаза у меня слипаются.

Я взглянула на него, с удивлением отметив, что сам он вовсе не кажется уставшим. Он выглядел таким же свежим и бодрым, как утром.

– Я разбужу, если что, – добавил он.

– Ну, если привезут кого-то вроде того дядьки, – ответила я, – то я и сама поднимусь.

– Это точно!

Я свернулась калачиком на диване в закутке за стеклом и сразу же заснула.

* * *

В выходной я выбралась гулять с Кусей только часам к двенадцати: бедная собака с укоризной смотрела на меня со своей подстилки, пока я лихорадочно умывалась и одевалась. Возвращаясь из парка, я увидела у своего подъезда худую женщину лет шестидесяти в дубленке и высокого полного мужчину. Погода стояла морозная, и женщина переступала с ноги на ногу, пытаясь согреться. Мужчина курил. Очевидно, они кого-то поджидали.

– Извините, – обратилась она ко мне, с опаской покосившись на Кусю. – Вы, случайно, не Агния будете?

Вот это номер: оказывается, незнакомцы ожидали именно меня. Я кивнула.

– Соседи сказали, что у вас собака! – радостно воскликнула женщина в дубленке. Несмотря на ее широкую улыбку, что-то в ее внешности мне очень не нравилось – то ли выражение маленьких, глубоко посаженных глаз неопределенного цвета, то ли нечеткий рисунок небрежно покрашенных не по возрасту розовой помадой губ... – Меня зовут Антонина Петровна Нетрусова, – продолжала она между тем. – Я – племянница вашей соседки, Галины Васильевны Голубевой, а это – мой сын Ленья.

Грузный мужчина при звуке своего имени сделал было шаг вперед, но Куся, подняв огромную голову и уставившись на него заинтересованным взглядом, пресекла его попытку приблизиться.

Вот оно что – не зря они мне так сразу не понравились!

Я снова сдержанно кивнула, но ничего не сказала, ожидая, что же последует за представлением.

– Видите ли, – снова заговорила Антонина Нетрусова, – я хотела побеседовать с вами о тете.

– Неужели? – переспросила я. – И чем же я могу быть вам полезна?

– На самом деле очень даже можете! Понимаете, я ведь ее единственная родственница – ну, разумеется, еще мои дети и внуки, – поэтому меня не может не беспокоить то, в каких условиях живет моя тетя. Это же просто ужас какой-то!

– Очень хорошо, что вы сами об этом заговорили, – перебила я племянницу Галины Васильевны. – И ей, и Светлане очень пригодилась бы любая помощь с вашей стороны. На лекарства уходит много денег, кроме того, необходима восстановительная физиотерапия, а это означает, что вашу тетю надо возить в поликлинику, ведь она неходячая...

– Да-да, – закивала Нетрусова, но по ее виду было заметно, что мои слова ее раздражают, потому, очевидно, что не имеют ничего общего с ее намерениями. – Но самое главное – это квартира. Тетя не понимает, что стоит ей умереть, как квартирные мошенники тут же заставят Светлану переписать жилплощадь на них, а саму ее ушлют в какую-нибудь тмутаракань – и ищи ветра в поле! А ведь вы врач, Агния, и должны понимать, что тетя, в ее теперешнем состоянии, вряд ли протянет долго.

– Подпись Светланы вряд ли будет иметь законную силу, – ответила на эту тираду я, – ведь, насколько я знаю, Галина Васильевна оформила признание дочери недееспособной, чтобы получить для нее соответствующие льготы?

– Это так, – кивнула Нетрусова, – но разве на такие вещи кто-то обращает внимание? Пока дело дойдет до суда, квартирку-то уже раз десять продадут и перепродадут, вы ж понимаете!

– А от меня вы чего хотите? – поинтересовалась я без особого энтузиазма.

– Вы, Агния, явно имеете большое влияние на мою тетю, – выдавив из себя улыбку, пояснила Антонина. – Она прислушивается к вашему мнению, уважает вас... Вот если бы вы – как-нибудь поделикатнее, разумеется! – постарались убедить ее в том, что необходимо написать завещание в мою пользу и передать опекунство над Светланой мне или, скажем, моему сыну Лене, а? Тогда и квартира, и Света были бы в полной безопасности, случись что с тетей. А я непременно отблагодарю вас, не сомневайтесь, – и она полезла в сумочку. Не дожидаясь, пока она вытащит оттуда что бы то ни было, я сказала:

– Извините, Антонина Петровна, но я не собираюсь ничем таким заниматься! Ваша тетя – взрослый, вполне разумный человек, и она вольна поступать так, как ей хочется. Не сомневаюсь, что она тоже задумывалась над судьбой своей дочери после собственной смерти, и делает все, чтобы обезопасить Светлану. Я бы на вашем месте не вмешивалась.

Дружелюбное выражение, явно не свойственное Нетрусовой, мгновенно улетучилось с ее худого, костистого, как у щуки, лица. Тонкие губы сжались в ниточку, отчего морщины вокруг рта сложились в гармошку, а бесцветные брови практически сошлись на переносице.

– Не вам учить меня жить! – проговорила она сквозь зубы.

– Да она сама на квартирку нацелилась, что, не видишь? – впервые за все время вмешался в разговор здоровый и рыхлый Лень, в сердцах отбрасывая недокуренную сигарету. – Думает, раз уколы колет, то старуху уломает в два счета?!

Я хотела выразить свое возмущение, но Куся меня опередила. Очевидно, почувствовав, что беседа изменила тональность и на меня повысили голос, она, слегка наклонившись вперед

и натянув поводок, сказала: «Гав!!!» Собака сделала это без злобы, интеллигентно, но Нетрусовы поняли ее правильно и не стали искушать судьбу. Бормоча себе что-то под нос, Антонина попятилась. Леонид последовал ее примеру, но напоследок все же обернулся, чтобы процедить:

– Думаешь, самая умная? Не видать тебе теткиной квартиры как своих ушей!

Этот разговор меня расстроил. Делая Галине Васильевне очередной укол, я все размышляла, стоит ли рассказывать ей о стычке с ее родственниками. Решила все же этого не делать – зачем зря волновать старую женщину? Только я никак не могла перестать думать о том, как права она, не желая выполнять требование своей племянницы в отношении собственной жилплощади: такому человеку нельзя доверять!

До трех часов дня я переделала много домашних дел, на которые у меня обычно хронически не хватает времени. Мама отправилась за продуктами, а я постирала, погладила рубашки и брюки Дэна, приготовила борщ и гречку с мясом и луком, его любимые блюда. Так что, когда сын пришел из школы, то очень удивился, увидев меня за работой. Обычно после ночного дежурства я долго отсыпаюсь, только после обеда ко мне вновь возвращается жизнь.

Однако ни работа по дому, ни позирование для Дэна (на котором он все-таки настоял, хотя я надеялась на его забывчивость!) не могли отвлечь меня от мысли о деньгах. День ежемесячной выплаты долга неумолимо приближался, а у меня в наличии было всего семьдесят процентов суммы. Конечно, я могла бы рассказать обо всем маме, ведь она откладывает пенсию, но она пришла бы в ужас и потеряла покой и сон, а этого мне совершенно не хотелось.

Звонок Роберта прозвучал совершенно неожиданно. Только увидев на мобильном его номер, я вспомнила о нашей договоренности.

– Ты что, мать, забыла? – Голос его звучал недовольно, как у маленького мальчика, которого отец обещал взять на футбол, но обещания не сдержал. – У меня шампанское греется!

– Да нет, не забыла, конечно, – соврала я. – Просто недавно проснулась, а потом дел оказалось много...

– Оправдания не принимаются! – заявил Роберт тем безапелляционным тоном, который частенько применял к пациентам. – Собирайся и дуй сюда – срочно!

Когда я дала отбой и обернулась, то увидела, что Дэн стоит в дверях, подпирая плечом дверной косяк. На лице его было странное выражение.

– Это он, да?

Дэн знал про нас с Робертом, даже видел его несколько раз, но почему-то Роберт моему сыну страшно не нравился. Сначала я думала, что это – обычная ревность, ведь он прекрасно помнил отца. Но потом стала постепенно понимать, что дело не в этом: что-то в Роберте Дэна не устраивало, однако он упорно отказывался объяснить мне свою позицию. Да я особенно и не настаивала – какой смысл? Замуж за Роберта я определенно не собираюсь, так зачем, спрашивается, понапрасну воду мутить? И еще: Дэн никогда не называл Роберта по имени: «он» – и все. Поэтому я только кивнула в ответ на его вопрос.

– Значит, уходишь?

Я снова почувствовала себя виноватой, как тогда, когда сын был еще совсем маленьким, а мне приходилось пахать, как колхозной кобыле, потому что у Славки в очередной раз не ладилось с «бизнесом» и мы сидели без денег, если не считать маминой зарплаты, на которую прожить не представлялось возможным. Тогда я почти не бывала дома, а если уходила, когда Данька *уже* не спал или *еще* не спал, то он всегда стоял в дверях в своей пижаме, такой маленький и потерянный, с печальным выражением на ангельском личике, и смотрел на меня огромными синими глазами. Он никогда не просил меня остаться, не уходить на работу, но от этого я только еще больше ощущала свою вину.

– Я ненадолго, – оправдываясь, пообещала я.

– Ну да, конечно, – вздохнул Дэн и, пожав плечами, повернулся ко мне спиной и вышел.

Как ни странно, в тот день встречаться с Робертом мне совершенно не хотелось. Обычно наши с ним занятия любовью приносили мне радость, но сегодня – другое дело. Что-то изменилось, но я еще не могла даже себе объяснить, что именно. Просто ноги не несли меня в сторону его дома, и все тут!

Роберт и в самом деле подготовился: в чем-чем, а в жадности его упрекнуть невозможно. На столе стоял роскошный букет махровых лилий, который явно предназначался мне, ведь Роберт знает, что лилии – мои любимые цветы. Кроме того, в ведерке со льдом томилось шампанское – не то, что лежит на полках любого универсама, а один из элитных сортов, купленный в специализированном магазине. Правда, я думаю, Роберту не пришлось самому беспокоиться насчет выпивки: пациенты регулярно доставляют ему подношения, и это в основном дорогой алкоголь. Рядом стояла бутылка «Джонни Уокера», потому что сам Роберт не пил ни шампанского, ни других вин. Там же, на столе, я обнаружила свой любимый торт «Прага», вазу с отборными фруктами и кучу всякой еды.

Мне пришлось выпить два бокала шампанского, прежде чем я почувствовала в себе силы лечь с Робертом в постель – неслыханное дело! И он, конечно же, сразу почувствовал неладное.

– Что с тобой сегодня? – спросил Роберт, когда я не испытала обычного оргазма. Он выглядел разочарованным, даже встревоженным: как правило, ему не требовалось особых усилий, чтобы доставить мне удовольствие.

– Ничего, – солгала я. – Просто устала на дежурстве.

– Ты слишком часто дежуришь по ночам, – сказал он, перекатываясь на другую сторону огромной дубовой кровати и зажигая сигарету. – Пора с этим завязывать.

– Ага, – вздохнула я. – Пора.

Я всегда думала о том, что же произойдет, когда Роберт мною пресытится. Мне даже в голову не приходило, что я первая стану тяготиться этими отношениями! Я чувствовала себя очень странно, непривычно, словно, ложась спать в приемном отделении, была одним человеком, а проснулась совершенно другим.

– Чем у тебя голова занята? – спросил Роберт, выпуская в белоснежный потолок колечки сизого дыма. – Беспокоишься из-за долга? Хочешь, одолжу тебе денег?

– Спасибо, справлюсь, – ответила я.

– Вот в этом ты вся – сама, сама... Мы ведь не чужие люди, верно? Так почему же ты отказываешься принимать от меня помощь?

Потому, глупый ты человек, что тогда я бы чувствовала себя проституткой, принимающей плату от клиента! Разумеется, говорить этого вслух я не собиралась, но Роберт не отставал: он отличался невероятной дотошностью, когда хотел получить интересующую его информацию. Поэтому мне пришлось сказать:

– Дело в моей соседке...

– Неужели? В какой именно?

В его голосе прозвучала легкая насмешка. Роберт знал, что я стараюсь со всеми поддерживать добрососедские отношения. Люди, живущие рядом, часто обращаются ко мне с различными просьбами, как к врачу, и я обычно не отказываю. Роберт всегда посмеивается надо мной, говоря: «Ты, мать, будто в деревне живешь! Это там обычно три главных человека – председатель, агроном и доктор, и все к ним бегут со своими проблемами!»

– В Голубевой, Галине Васильевне, – тем не менее ответила я.

– Это которая парализованная после инсульта?

Я никак не ожидала такого: оказывается, Роберт помнит все, что я ему рассказываю, – даже то, что не считает таким уж важным!

– Да, – кивнула я, оправившись от изумления. – У нее сейчас большие проблемы.

– Еще бы! – согласился он. – У нее ведь и дочка, по-моему, какая-то... тронутая, да?

– Что ж, можно и так сказать. Знаешь, Голубевы – очень одинокие и несчастные люди, им абсолютно некому помочь. А сейчас еще родичи, которым наплевать и на мать, и на дочь, открыли сезон охоты на их жилплощадь, представляешь?

– Ты бы не вмешивалась, мать, – покачал головой Роберт. – Они сами разберутся. А не разберутся – тоже не твоя печаль: у тебя что, своих проблем мало? Долг вот висит, муженек в бегах, сына поднимать надо – тебе ли лезть в чужие дела?

Как всегда, Роберт категоричен. Что ж, он никогда не страдал сентиментальностью, я это знала. Может, зря я вообще ему об этом рассказала? С другой стороны, мне просто необходимо с кем-то поделиться. Вот у Славки, несмотря на все его недостатки, имелось одно очень важное качество: он всегда был хорошим слушателем и мог в случае чего дать полезный совет. Если бы так же хорошо он умел разбираться с собственными делами! С другой стороны, Роберт, возможно, не так уж и не прав: я и в самом деле нахожусь в тяжелой ситуации – может, не такой безвыходной, как Голубевы, но все же достаточно серьезной, чтобы беспокоиться больше о себе самой и собственной семье, нежели о посторонних людях.

– А как тебе Шилов? – неожиданно спросил Роберт.

– Шилов?

– Ну, как он – вообще?

– Да ничего вроде бы, – пожала я плечами. – Мы с ним оперировали вместе. Два раза.

– Два? – удивился Роберт. – Это когда же ты второй раз успела, скажи на милость?

– Да сегодня ночью. Бомжа привезли, а ругался он, как...

– Значит, Шилов сегодня дежурил? – присвистнул Роберт. – Я думал, он кого-то вместо себя подсунет.

Сам-то Роберт так и поступал, особенно пока исполнял обязанности заведующего: за него дежурили ординаторы или Гоша.

– Хорошая у него фамилия, правильная, – продолжал Роберт, раздраженно стряхивая пепел от сигареты в хрустальный бокал. – Настоящее *шило* в заднице!

– За что ты так его не любишь? – поинтересовалась я, хотя ответ был кристально ясен: за то, что он перешел Роберту дорогу и похоронил все его далекоидущие планы.

– Пришел, понимаешь, и тут же начал свои порядки наводить. Ты заметила, что он табличку с двери снял?

– Это по поводу того, что «врачи цветами не закусывают»?

– Помешала ему, мать его, табличка! – разгорячился Роберт. – Шесть лет там висела, никто слова не сказал, а этот правдолюбец хренов... Чистоплюй!

– Да ладно тебе, – успокаивающим тоном произнесла я. – Табличка и в самом деле не очень приличного содержания была, вымогательством попахивала.

– И ты туда же! – возмутился Роберт. – А ведь не думала так и не подумала бы, если б не Шилов! А Пашку за что он отчихвостил, скажи на милость?

– Кстати, насчет Павла, – поддакнула я, – видела тут давеча, как он из шиловского кабинета выскочил на всех парах. Что произошло?

– Да ничего особенного! Пашка сделал одной пациентке инъекцию синовиальной жидкости в коленный сустав, взял, как положено, пятьсот рублей – по таксе, так Шилов каким-то образом об этом прознал и закатил такую трепку – мама не горюй! Дескать, у нас муниципальная больница, пациенты приходят по страховым полисам, значит, все для них должно быть бесплатно. А Пашка, дурачок, возьми да и ляпни, что колот «Ферматрон»! А Шилов: «Откуда «Ферматрон», у нас его на складе нет, почему не «Нолтрекс»?..»

– А какая разница-то? – не поняла я.

– Темнота! «Ферматрон» стоит три тысячи ампула, а «Нолтрекс» – полторы. У нас в отделении он, конечно, имеется, но в небольшом количестве, поэтому мы всегда говорим пациентам, чтобы покупали сами, причем лучше – «Ферматрон».

– А почему лучше?

– Так дороже ведь! – удивился моей тупости Роберт. – По качеству они практически не отличаются, только производители разные. Мы все равно всем колем наш собственный «Нолтрекс», а тот «Ферматрон», что остается, можно потом загнать другим пациентам по трехе. Сечешь? Те, кто может, платят. Ну а те, у кого вовсе нет бабла, конечно, получают тот же «Нолтрекс», но бесплатно. Разницы никакой, пациент доволен, врач тоже.

– Так вы что же, перепродаете эту синовиальную жидкость?

Роберт посмотрел на меня, как родители порой смотрят на непослушных, но все равно любимых детей.

– Да ты что, мать, вчера родилась? – спросил он. – Всяк крутится, как может! Вреда от этого никому, уж поверь мне, как специалисту, а бабок можно немного срубить.

– И Шилов об этом узнал?

– Пока он еще, похоже, не просек, что к чему, – задумчиво произнес Роберт. – Пашка, дурак, язык за зубами держать не умеет! А Шилов, гнида, заставил парня вернуть этой тетке деньги за инъекцию и извиниться, представляешь? Парень работает как вол, целыми днями в больнице, а эта сволочь не дает ему подработать! Да ты бы видела эту бабу, мать честная: на каждом пальце по кольцу с брильянтом, дочка к ней шастает – вся в норке, между прочим, и платиновыми цепями обвешана, что твой рокер! Для нее эти пять сотен, как для Пашки пять рублей, она и не заметит, а Шилову больше всех надо! Ему-то что, у него папаша шишкастый в Москве небось сыночку отваливает прибавку к зарплате ежемесячно, да и зарплата завская – тоже ничего себе, а мои ребята что, должны задарма трудиться? Мы же бедных не обираем, верно? Только с тех снимаем, у кого бабло водится.

Я подумала, что бедного не больно-то и обдерешь, что с него взять? Нет, Шилов все-таки молодец! Правда, если он продолжит в таком духе, то долго здесь не продержится. Он что, в одиночку решил с системой бороться?

После этого разговора мне стало противно, словно я проглотила улитку вместе с ракушкой. Ведь я каждый раз после совместной операции принимаю от Роберта конвертик, в котором то тысяча, то три – пациентская «благодарность», как он это называет. Да, люди дают деньги, потому что думают, что врач из-за этого получше потрудится, отнесется более внимательно, что ли. На самом деле этого не происходит. Со всеми обращаются одинаково, по-другому и нельзя, ведь на кону жизнь и смерть, здоровье и болезнь. Роберт прав, вреда мы не причиняем, но ведь существует еще и моральный аспект, о котором я стараюсь не думать. Если начну задумываться, то выплата долга кредиторам окажется такой же недостижимой мечтой, как собственная вилла на Боро-Боро.

Однако после всего сказанного я больше не могла оставаться наедине с Робертом и засобиралась.

– погоди, а поесть? – изумился Роберт. – Я что, зря все это приволок?

– Прости, – пробормотала я, натягивая колготки, – Дэну обещала пораньше вернуться, да и мама, наверное, волнуется...

– Это что за детский сад? «Мама волнуется...» Тебе сколько лет?

Мне тридцать восемь. Мой статус не вполне ясен – то ли замужем, то ли уже нет. Есть мать и взрослый сын, полностью зависящие от меня. Есть долг в пять миллионов рублей, который надо отдавать, а иначе последствия могут оказаться плачевными. Я – ханжа и лицемерка, строящая из себя спасителя человечества, готовая повернуться спиной к старухе, чья жизнь невыносима и полна проблем, и к любовнику, потому что он честно признает то, что я отказываюсь признать.

– Прости, – еще раз повторила я и вышла в коридор.

Роберт за мной не пошел.

* * *

Будильник прозвенел, как всегда, не вовремя: я видела такой чудесный сон! Я лежала на песчаном берегу. Ноги мои омывала зеленая волна, а волосы трепал теплый южный ветер. Вокруг росли пальмы, тянуло запахом азалий, а небо было чистое, как на некоторых картинах Айвазовского... Выходные позади!

Еще не открывая глаз, я почувствовала приятный запах, доносящийся, очевидно, из кухни. Неужели мама с утра пораньше сподобилась заделать пироги?

– С добрым утром! – пропел Дэн, вваливаясь в мою комнату в одних спортивных брюках. – И с днем рождения!

Черт! Надо же, забыла! Хотя с тех пор, как мне стукнуло двадцать девять, я перестала радоваться дням рождения, ведь они прибавляли лет и убавляли надежд.

– Держи свой подарок, – сказал Дэн, плюхаясь на кровать рядом со мной и протягивая мне плоскую атласную коробочку. Я была заинтригована. Что может подарить ребенок, который сам еще не начал зарабатывать? С Дэном все просто: он обычно дарил мне свои рисунки, а в последнее время начал дарить картины. Я вешала их в комнатах и любовалась. Но это – что-то новенькое.

Я открыла коробочку и ахнула: внутри оказался золотой браслет изысканного плетения со свисающей маленькой изумрудной каплей.

– Откуда это? – потребовала я объяснений. – Где взял деньги?

– Ограбил директора водокачки, – со вздохом ответил Дэн. – Ма, ну ты что? Неужели ты думаешь, что я стал бы дарить тебе вещь сомнительного происхождения?

– Но, Дэн, это же чертова уйма денег! – воскликнула я. – Бабушка не могла тебе дать...

– Конечно нет! Я *сам* заработал, понимаешь? Сам!

– Ничего не понимаю! – не унималась я. – И где же ты, с позволения сказать, заработал? Чем?

– Разумеется, проституцией, ма! Знаешь, сколько сейчас...

Увидев выражение моего лица, он осекся и сказал:

– Ладно. Картину продал. Прикинь, один дурачок мне за нее десять тысяч отвалил!

– За картину?

Я прямо почувствовала, как стало легче дышать.

– Ты продал картину – свою *первую* картину – и ничего мне не сказал?

– Если бы я сказал, то сюрприза бы не получилось! – резонно возразил сын.

– Бабушка в курсе?

– А то!

– А что за картина?

– Да пейзаж, тот, «В тумане», помнишь?

Я прекрасно помнила. На берегу – маленький рыбацкий домик. Рядом сушится сеть. Неподалеку качается на волнах старая лодка. Серое море, почти сливающееся с тяжелым северным небом, и длинная песчаная коса, уходящая в туман.

– Это Ромка устроил, – продолжал рассказывать Дэн. – Я сказал ему, что мне нужны деньги тебе на подарок, а он предложил продать какую-нибудь картину. Я не знал, как это сделать, а он разместил копию в Интернете, и нашелся, представляешь, мужик, которому она приглянулась. Я к нему съездил, показал, он тут же дал денег. Но это еще не все.

– Что еще? – насторожилась я, заметив его заговорщицкое выражение лица.

– Он мне еще две картины заказал! – выпалил Дэн и подпрыгнул на пружинах кровати. – У него, оказывается, собственный рыбный ресторан, и он хотел что-то в морском стиле. Вешать копии известных художников – избито и неоригинально, вот он и решил меня взять в оборот.

А я что, я не против, только страшновато немного: я ведь под заказ еще ничего не делал, вдруг не получится?

– Надеюсь, ты аванс не взял? – подозрительно спросила я.

– Он хотел дать, но я отказался, – ответил Дэн. – Сказал, что могу и подвести.

– Правильно сделал! – сказала я и, потянувшись к нему, крепко обняла. – Ты мой талантливый умница!

– Ну что, ты рада или нет? – спросил Дэн, освобождаясь из моих объятий. – Сын у тебя не уголовник. Сын у тебя – гений!

– Только не зазнавайся, Ван Гог! – рассмеялась я.

– Ну уж нет, только не Ван Гог! – замахал руками Дэн. – Я хочу сохранить уши в целости!

В этот момент, навалившись на дверь всем своим весом и тем самым заставив ее с шумом распахнуться, в комнату влетела Куся. Она не может вынести веселого шума, когда сама не является участницей веселья, а потому обязательно должна присутствовать.

Такого счастливого утра я припомнить не могла.

Перед работой предстояло еще заскочить к Галине Васильевне, чтобы сделать укол. Выходя из лифта, я столкнулась с невысоким полным мужчиной средних лет в дорогих очках, который, как мне показалось, вышел из дверей квартиры Голубевых. Возможно, я ошиблась, но, проходя мимо меня, этот человек как-то странно на меня посмотрел, словно оценивая. От его тяжелого, внимательного взгляда у меня мурашки пробежали по спине!

Если он выходил от Голубевых, то кто это может быть? Еще один претендент на квартиру? Интересные дела: сто лет мать и дочь были никому не нужны, а теперь вдруг целый легион родичей осаждает их в надежде заполучить жилплощадь!

Однако, возможно, мои тревоги напрасны и этот человек выходил вовсе не от них? Ну что из того, что мне не понравился его взгляд?

* * *

Роза Васильева оперировалась как раз в этот день. Когда я спустилась в операционную, Роберт, Гоша и Павел уже были там, как и Люда, которая часто работала с Робертом. Пациентка была под действием успокоительного. Я помнила о ее неуверенности в отношении операции и готовилась к тому, чтобы подбодрить ее, но этого даже не потребовалось: она сонно улыбнулась мне и сказала:

– Вот видите, я не боюсь, и все благодаря вам.

– И не надо бояться, – улыбнулась я. – Пара часов – и вы с новой ногой!

И я начала по каплям вводить наркоз.

Все прошло хорошо. Пациентка нормально перенесла операцию и уже к концу ее постепенно начала приходить в себя.

Роберт подловил меня в лифте. Я направлялась к себе в отделение, но, не успели двери закрыться, как чья-то ладонь просунулась между ними, и Роберт вошел внутрь.

– Ты с ума сошел! – пробормотала я, когда его рука скользнула мне под халат. – Сейчас мы приедем!

– В твоём «подземелье» темно, как в норе у крота, – тяжело дыша, сказал Роберт. – Никто ничего не заметит.

Это была чистая правда. Отделение анестезиологии и реанимации располагается в помещении как раз над операционными, которые, в свою очередь, находятся в подвале. И там действительно всегда темнее, чем в других отделениях. Рука Роберта нащупала мою грудь и принялась гладить и сжимать ее так, что я не могла оставаться равнодушной, как ни старалась. Я понимала, что происходит: раньше я всегда легко и охотно отзывалась на ласки Роберта, но вчера что-то случилось – что-то, чего он никак не мог взять в толк. И теперь он пытался

самоутвердиться, заставить меня кусать губы и кричать от восторга, и ему это почти удалось. Только вот вопить я все же не собиралась, потому что, застучай нас кто-нибудь, это выглядело бы по меньшей мере не совсем эстетично. Странно, как порой тело подводит нас. Умом понимаешь, что не хочешь, чтобы оно реагировало на прикосновения, но никак не можешь контролировать спонтанные реакции. Я всегда испытывала к Роберту чисто физическое влечение, и поэтому сейчас, когда мое тело снова получало привычное стимулирование, не могла оставаться безучастной.

– Почему ты вчера убежала, а? – спросил Роберт, пытаясь засунуть палец мне в трусики. Это оказалось непросто из-за плотных колготок, сильно стягивающих меня в талии. Голос его звучал обиженно, словно у него в песочнице отобрали любимую игрушку.

– Я же тебе объяснила, – с трудом восстанавливая дыхание, ответила я. – Отпусти меня, пожалуйста, а то, не ровен час, кто-нибудь пройдет мимо...

– Давай найдем укромный уголок, – предложил Роберт, не обращая внимания на мою просьбу.

– В реанимации?! Ты спятил!

Но он уже тащил меня по коридору в сторону бесчисленных дверей.

– Агния Кирилловна! – услышала я знакомый голос и поняла, что никогда в жизни еще не была так рада видеть нашу заведующую отделением.

– Елена Георгиевна! – отозвалась я и двинулась к ней, на ходу одергивая халат и надеясь, что полутьма коридора скроет от Охлопковой истинное положение вещей. Роберт благо- разумно вжался в стену, и заведующая никак не могла увидеть его с того места, где стояла.

– Что с вами? – спросила она, приподнимая очки и внимательно разглядывая меня. – Вы выглядите какой-то... взъерошенной! Кстати, вам ведь, если не ошибаюсь, в другую сторону?

– Да, мне просто показалось...

– Что показалось?

– Какой-то шум послышался в той части коридора, – выпалила я первое, что пришло мне в голову.

Елена Георгиевна снова водрузила очки на нос и взглянула в том направлении.

– Там никого нет, – покачала она головой. – Это все нервы, моя милая.

– Наверное, вы правы, – поспешила согласиться я, молясь о том, чтобы заведующей не взбрело в голову все же проверить.

– Поторопитесь, – предупредила она. – У вас ведь операция через десять минут, если не ошибаюсь?

И Роберт еще собирался заниматься любовью!

К концу дня голова и ноги у меня гудели. Оставалось только одно дело, которое я больше всего не люблю в своей работе, – заполнение документов. На столе их скопилось уже немалое количество, и нужно было покончить с этим сегодня или никогда. Когда я, наконец, подняла голову от бумажек, часы показывали половину девятого вечера.

Подхватив сумку, я погасила свет в ординаторской и поспешила в раздевалку. Там было безлюдно: часы посещения больных закончились, на вешалках остались только вещи дежурных или припозднившихся врачей и медсестер, возможно, еще студентов-медиков, которые оставались допоздна, чтобы закончить домашнее задание.

– Засиделись?

Я обернулась и увидела Шилова, который подошел следом.

– Вы тоже, – парировала я.

– Я – другое дело: начальство должно отрабатывать свою зарплату. А вас неужели дома никто не ждет?

– Ну почему же, – оскорбилась я. – Мама. И сын.

– У вас есть сын?

Шилов выглядел удивленным.

– А у вас дети есть? – поинтересовалась я, пока он помогал мне одеться, и почувствовала, как на мгновение его руки застыли в воздухе. В следующую секунду он уже опустил шубу мне на плечи.

– Нет, – ответил он. – Детей у меня нет.

«Странно, – подумала я, – что у него нет детей. Сколько же Шилову лет? Сорок? Он, несомненно, выглядит моложе, но находится в том возрасте, когда мужчины уже являются отцами подростков. Девчонки вроде бы говорили, что он женат...»

– Вы на машине? – спросил он, прервав мои размышления.

– У меня нет машины, – покачала я головой. – Никогда не могла представить себя за рулем.

– Это дело практики. Давайте я вас подвезу. Вам куда?

– На Гражданку. Нам по пути?

– Нет, – ответил он. – Но это не имеет значения: раз предложил, значит, должен выполнять.

– Вы мне ничего не должны, Олег Валентинович, – сказала я, чувствуя, что садиться с ним в одну машину будет с моей стороны страшной ошибкой. Только теперь, стоя так близко к Шилову, я начала понимать, что именно произошло со мной вчера у Роберта. Дело вовсе не в его признании, ведь я всегда знала о том, что мой любовник не брезгует небольшими махинациями. Я мирилась с этим, во-первых, потому что он все-таки отличный хирург и, уверена, огромное количество людей вспоминают его с благодарностью, а во-вторых, потому что и сама вовсе не чиста, как первый снег. Дело не в Роберте, а в Шилове: с тех пор как он поднял меня на ноги на скользкой дорожке к больнице, я никак не могла выкинуть его из головы. Я вспоминала его глаза, его волосы, его *зубы*, а также голос, когда он увлеченно рассказывал мне об индийских рагах!

– Наверное, я неправильно выразился, – сказал он, неверно истолковав мое молчание и решив, что я могла обидеться. – Я действительно *хочу* вас подвезти, Агния Кирилловна. Ну же, соглашайтесь!

У него темно-синяя «Шкода Октавия». Салон оказался уютным, сиденья – тоже синего цвета. И пахло внутри сосной, а не той жуткой жидкостью для мытья окон, которую использовал Роберт: после получаса, проведенного в его машине, у меня всегда возникали проблемы с дыханием и начинали слезиться глаза.

Некоторое время мы ехали молча, и оба чувствовали себя довольно неловко. Наконец, Шилов решился нарушить тишину.

– Откройте бардачок, – попросил он.

Я повиновалась.

– Там лежит диск, наверху.

Так оно и было.

– Достать? – спросила я.

– Да. Честно говоря, это вам.

– Мне?

– Это раги. Мне показалось, что они вам понравились, хотя, возможно, я и ошибся.

– Вы не ошиблись, – ответила я, беря диск. – Спасибо, я обязательно послушаю. Но отказаться от мяса не обещаю, – быстро добавила, чтобы разрушить атмосферу, грозившую стать уж слишком романтической.

– Не волнуйтесь, я вовсе не пытаюсь обратить вас в свою веру, – улыбнулся он, глядя не на меня, а на дорогу.

Я, не отрываясь, смотрела на его руки – большие, с длинными сильными пальцами. Они и не могли быть другими, ведь работа у Шилова довольно тяжелая физически, но меня эти руки привлекали не поэтому: на правом безымянном пальце не было обручального кольца.

«Хватит себя обманывать! – тут же зашептал мой внутренний голос. – Он не для тебя – с твоими-то проблемами!»

– Здесь направо или налево? – спросил Шилов.

Все время, пока я шла от машины до подъезда и поднималась на лифте, размышляла над тем, ждал ли он от меня приглашения зайти «на чашечку чая»? Вряд ли, ведь я сказала, что живу не одна. Тем не менее этот вопрос мучил меня, но ровно до тех пор, пока, повернув ключ в замке, я не распахнула дверь в прихожую. В глаза мне ударил яркий свет, сильно контрастировавший с полутьмой на лестничной клетке, и громкий вопль нескольких голосов одновременно «С днем рождения!» практически оглушил меня. В прихожей стояли мама с Дэном в окружении двух моих подруг, Ларисы и Полины (последняя пришла с мужем), и соседки, с которой тесно общалась мама. Все они были при полном параде, а Дэн держал в руках только что откупоренную бутылку с шампанским.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.